Теренс Х. УАЙТ

МЕЧ В КАМНЕ

Король
былого и грядущего

Царица Воздуха и Тьмы
Теренс Хэнбери Уайт

Аннотация
Теренс Хэнбери Уайт. Царица Воздуха и Тьмы
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14

Аннотация

Тетралогия «Король былого и грядущего» английского писателя Теренса Хэнбери Уайта (1906 — 1964) — одна из самых знаменитых и необычных книг жанра «фэнтези», наряду с эпопеей Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец» и трилогией «Горменгаст» Мервина Пика. Воссозданная на основе британских легенд и мифов история «короля былого и грядущего» Артура, его учителя, волшебника Мерлина, рыцарей Круглого Стола представляет собой удивительное сочетание фантастической сказки и реальной истории, юмористики и трагедии.

Теренс Хэнбери Уайт
Царица Воздуха и Тьмы

Когда же отпустит мне смерть, наконец,
Все зло, которое сделал отец?
И скоро ли под гробовою доской
Проклятие матери сыщет покой?
INOIPIT LIBER SECUNDUS

1

Стояла на свете башня, а над башней торчал флюгер. Флюгером служила ворона со стрелою в клюве, чтобы указывать ветер.

Под самой крышей башни находилась редкая по неудобству круглая комната. В восточной ее части помещался чулан с дырою в полу. Дыра смотрела на наружные двери башни, коих имелось две, через нее можно было швырять вниз камни в случае осады. На беду ею же пользовался и ветер, — он входил в нее и вытекал в нестекленные окна или в трубу очага, если только не дул в противную сторону, пролетая сверху вниз. Получалось что-то вроде аэродинамической трубы. Вторая беда состояла в том, что комнату заполнял дым горящего торфа — от огня, разожженного не

в ней, а в комнате ниже. Сложная система сквозняков высасывала дым из трубы очага. В сырую погоду каменные стены комнаты запотевали. Да и мебель в ней не отличалась удобством. Всей-то и было мебели, что груды камней, пригодных для швыряния через дыру, несколько заржавелых генуэзских арбалетов со стрелами и груда торфа для неразожженного очага. Кровати у четверки детей не имелось. Будь комната квадратной, они могли бы соорудить нары, а так приходилось спать на полу, укрываясь, как получится, соломой и пледами.

Из пледов дети соорудили над своими головами подобие шатра и теперь лежали под ним, тесно прижавшись друг к другу и рассказывая историю. Им было слышно, как в нижней комнате мать подкармливает огонь, и они шептались, опасаясь, как бы и она их не услышала. Не то чтоб они боялись, что мать поднимется к ним и их прибьет. Они обожали ее немо и бездумно, потому что характер у нее был сильнее. И не в том было дело, что им запрещалось разговаривать после того, как они улягутся спать. Дело было, пожалуй, в том, что мать воспитала их — от безразличия ли, по лени или из своего рода жестокости безраздельного собственника — с увечным чувством

хорошего и дурного. Они словно бы никогда точно не знали, хорошо ли они поступают или плохо.

Шептались они по-гаэльски. Вернее сказать, они шептались на странной смеси гаэльского и старинного языка рыцарства, которому их обучили, потому что он им понадобится, когда они подрастут. Английского они почти и не знали. Впоследствии, став знаменитыми рыцарями при дворе великого короля, они поневоле выучились бегло говорить по-английски — все, кроме Гавейна, который, как глава клана, намеренно цеплялся за шотландский акцент, желая показать, что он не стыдится своего происхождения.

Рассказ вел Гавейн, поскольку он был самый старший. Они лежали рядышком, похожие на тощих, странных, украдчивых лягушат, — хорошо скроенные тела их готовы были окрепнуть, едва их удастся как следует напитать. Волосы у всех были светлые. Гавейн был ярко рыж, а Гарет белес, словно сено. Возраст их разнился от десяти до четырнадцати лет, моложе всех был Гарет. Гахерис был крепышом. Агравейн, самый старший после Гавейна, был **в**семье главным буяном — изворотливым, легко плачущим и боящимся боли. Это потому, что ему досталось богатое воображение, и головой он работал больше всех

остальных.

— Давным-давно, о мои герои, — говорил Гавейн, — еще до того, как были мы рождены или даже задуманы, жила на белом свете наша прекрасная бабушка и звали ее Игрейна.

— Графиня Корнуольская, — сказал Агравейн.

— Наша бабушка — Графиня Корнуольская, — согласился Гавейн, — и влюбился в нее кровавый Король Англии.

— По имени Утер Пендрагон, — сказал Агравейн.

— Кто рассказывает историю? — сердито спросил Гарет. — Закрой рот.

— И Король Утер Пендрагон, — продолжал Гавейн, — послал за Графом и Графинею Корнуолла…

— Нашими дедушкой и бабушкой, — сказал Гахерис.

— …и объявил, что должно им остаться с ним в его доме в Лондонском Тауэре. И вот, пока они оставались с ним там, он попросил нашу бабушку, чтобы она стала его женою вместо того, чтобы дальше жить с нашим дедушкой. Но добродетельная и прекрасная Графиня Корнуолла…

— Бабушка, — вставил Гахерис. Гарет воскликнул:

— Вот дьявол! Будет от тебя покой или нет? Последовали приглушенные препирательства, сдобренные взвизгами, шлепками и жалобными укорами.

— Добродетельная и прекрасная Графиня Корнуолла, — возобновил свой рассказ Гавейн, — отвергла посягательства Короля Утера Пендрагона и рассказала о них нашему дедушке. Она сказала: «Видно, за нами послали, чтобы меня обесчестить. А потому, супруг мой, давайте сей же час уедем отсюда, тогда мы за ночь успеем доскакать до нашего замка». И они вышли средь ночи.

— В самую полночь, — поправил Гарет.

— …из королевской крепости, когда в доме все спали, и оседлали своих горделивых, огнеоких, быстроногих, соразмерных, большегубых, малоголовых, ретивых коней при свете ночной плошки и поскакали в Корнуолл так скоро, как только могли.

— То была ужасная скачка, — сказал Гарет.

— И кони под ними пали, — сказал Агравейн.

— Ну, нет, этого не было, — сказал Гарет. — Наши дедушка с бабушкой не стали бы до смерти загонять коней.

— Так пали или не пали? — спросил Гахерис.

— Нет, не пали, — поразмыслив, ответил Га-

вейн. — Но были от этого недалеки.

И он продолжил рассказ.

— Когда поутру Король Утер Пендрагон проведал о том, что случилось, разгневался он ужасно.

— Безумно, — подсказал Гарет.

— Ужасно, — сказал Гавейн — Король Утер Пендрагон ужасно разгневался. Он сказал: «Вот как Бог свят, мне принесут голову этого Графа Корнуолла на блюде для пирогов!» И он послал нашему дедушке письмо, в коем предписывал ему готовиться и снаряжаться, ибо не пройдет и сорока дней, как он доберется до него хоть бы и в крепчайшем из его замков!

— А у него было два замка, — засмеявшись, сказал Агравейн. — Называемых Замок Тинтагильский и Замок Террабильский.

— И потому Граф Корнуолла поместил нашу бабушку в Тинтагиле, сам же отправился в Террабиль, и Король Утер Пендрагон подошел, дабы обложить их оба.

— И тут, — вскричал Гарет, более неспособный сдержаться, — король разбил множество шатров, и пошли между двумя сторонами великие сражения, и много полегло народу!

— Тысяча? — предположил Гахерис.

— Никак не меньше двух, — сказал Агравейн. —

Мы, гаэлы, и не смогли бы положить меньше двух тысяч. По правде, там, может, полег целый миллион.

— И вот, когда наши бабушка с дедушкой стали одерживать верх и, похоже, стало, что Короля Утера ожидает полный разгром, явился туда злой волшебник, именуемый Мерлин…

— Негромант, — сказал Гарет.

— И тот негромант, поверите ли, посредством своего адского искусства преуспел в том, чтобы перенести предателя Утера Пендрагона в замок нашей бабушки. Дед же немедля предпринял вылазку из Террабиля, но был в сраженьи убит…

— Предательски.

— А несчастная графиня Корнуолла…

— Добродетельная и прекрасная Игрейна…

— Наша бабушка…

— …стала пленницей злобного англичанишки, вероломного Короля Драконов, и затем, несмотря на то, что у нее уже были целых три красавицы-дочери…

— Прекрасные Корнуольские Сестры.

— Тетя Элейна.

— Тетя Моргана.

— И мамочка.

— И даже имея этих прекрасных дочерей, ей

пришлось неволею выйти замуж за Английского Короля, — за человека, который убил ее мужа!

В молчании размышляли они о превеликой английской порочности, ошеломленные ее denouement. То был любимый рассказ их матери, — в редких случаях, когда она снисходила до того, чтобы им что-нибудь рассказать, — и они заучили его наизусть. Наконец Агравейн процитировал гаэльскую пословицу, которой она же их научила.

— Четырем вещам, — прошептал он, — никогда не доверится лоутеанин — коровьему рогу, лошадиному копыту, песьему рыку и английскому смеху.

И они тяжело заворочались на соломе, прислушиваясь к неким потаенным движениям в комнате под собой.

Комнату, расположенную под рассказчиками, освещала единственная свеча и шафрановый свет торфяного очага. Для королевского покоя она была бедновата, но в ней, по крайней мере, имелась кровать, — громадная, о четырех столбах, — в дневное время ею пользовались вместо трона. Над огнем перекипал на треноге железный котел. Свеча стояла перед полированной пластиной желтой меди, служившей зеркалом.

В комнате находилось два живых существа — Королева и кошка. Черная кошка, черноволосая Королева, обе были голубоглазы.

Кошка лежала у очага на боку, будто мертвая. Это оттого, что лапы ее были связаны, как ноги оленя, несомого с охоты домой. Она уже не боролась и лежала теперь, уставясь в огонь щелками глаз и раздувая бока, с видом на удивление отрешенным. Скорее всего, она просто лишилась сил, — ибо животные чуют приближение конца. По большей части они умирают с достоинством, в котором отказано человеческим существам. Может быть, перед кошкой, в непроницаемых глазах которой плясали пламенные язычки, проплывали картины восьми ее прежних жизней, и она обозревала их со стоицизмом животного, лишившегося и надежд, и страхов.

Королева подняла кошку с полу. Королева намеревалась испробовать известную ворожбу, — развлечения ради, или чтобы хоть как-то провести время, пока мужчины воюют. Это был способ стать невидимкой. Она не занималась ведовством всерьез, — как ее сестра, Моргана ле Фэй, — ибо была слишком пустоголова для серьезных занятий каким угодно искусством, хотя бы и черным. Она предавалась ему лишь оттого, что

в крови у нее присутствовала некая чародейская примесь, как и у всякой женщины ее расы.

Кошка, брошенная в кипящую воду, страшно забилась и издала жуткий вой. Мокрый мех, вздыбленный паром, поблескивал, словно бок ударенного гарпуном кита, пока она пыталась выскочить наружу или проплыть немного со связанными лапами. В уродливо распяленной пасти виднелась вся ее красноватая глотка и острые белые зубы, похожие на шипы. После первого вопля она уже не могла произвести никакого звука и лишь раздирала челюсти. Потом она умерла.

Моргауза, Королева Лоутеана и Оркнея, сидела у котла и ждала. По временам она пошевеливала кошку деревянной ложкой. Комнату начинала наполнять вонь от сваренной шкурки. В льстивом отсвете горящего торфа королева глядела в зеркало и видела в нем свою редкостную красоту: глубокие, большие глаза, мерцание темных лоснистых волос, полное тело, выражение легкой настороженности, когда она прислушивалась к шепоту в комнате наверху.

Гавейн сказал:

— Отмщение!

— Они не причинили никакого вреда Королю Пендрагону.

— Они лишь просили, чтобы их отпустили с миром.

Именно нечестность насилия, совершенного над их корнуольской бабушкой, причиняла страдания Гарету, — видение слабых и ни в чем неповинных людей, павших жертвами неодолимой тирании, — древней тирании галлов, — которую на Островах даже любой деревенский пахарь воспринимал как личную обиду. Гарет был мальчиком великодушным. Мысль о сильном, восставшем на слабого, казалась ему ненавистной. Сердце его расширялось, заполняя всю грудь, словно бы от удушья. Напротив, Гавейн гневался потому, что зло причинили его семье. Он не считал силу неправым средством достижения успеха, но полагал, что не может быть правым никто, преуспевший в делах, направленных против его клана. Он не был ни умен, ни чувствителен, но был верен, порой до упрямства и даже — в дальнейшей жизни — до раздражающей тупости. И тогда и потом образ мыслей его был всегда одинаков: С Оркнеем, правым или неправым! Третий брат, Агравейн, испытывал волнение оттого, что дело касалось его матери. Он питал к ней странные чувства, каковые держал при себе. Что до Гахериса, он всегда поступал и чувствовал

так, как все остальные.

Кошка распалась на куски. Мясо от долгого кипячения раскисло, и в котле не осталось ничего, кроме высокой пены, состоящей из шерсти, жира и мясных волокон. Под нею кружили в воде белые косточки, а те, что потяжелее, лежали на дне, и белые пузырьки воздуха поднимались грациозно, словно листья на осеннем ветру. Королева, несколько сморщив носик из-за тяжкого запаха, исходившего от несоленого варева, отцедила жидкость в другую посудину. Фланелевое сито удержало осадок, в который обратилась кошка — набрякшую массу спутанных волос и ошметков мяса, тонкие кости. Она подула на осадок и принялась ворошить его ручкой ложки, чтобы он побыстрей остудился. Тогда можно будет разгрести его пальцами.

Королева знала, что во всякой полностью черной кошке имеется косточка, которая, если держать ее во рту, сварив предварительно кошку заживо, может превратить тебя в невидимку. Правда, никто точно не знал, даже в те времена, какая именно из костей на это способна. Потому и приходилось заниматься магией перед зеркалом, — так можно было отыскать нужную кость практическим путем.

И не то чтобы Моргаузе так уж хотелось стать невидимкой, напротив, ей, красавице, это было бы даже неприятно. Но все мужчины ушли. А тут — какое-никакое, а все же занятие, простое и хорошо знакомое чародейство. Оно, к тому же, позволяло ей повертеться перед зеркалом.

Королева разобрала кошачьи останки на две кучки, — в одной груда вываренных теплых костей, в другой комки разного разварившегося до мякоти сора. Затем она выбрала одну из костей и, оттопырив мизинчик, поднесла ее к алым губам. Она держала ее в зубах и стояла перед полированной медью, с сонным удовольствием озирая себя. Затем она бросила кость в огонь и подхватила другую.

Смотреть на нее было некому. А странноватый был вид, — как она раз за разом поворачивается от зеркала к кучке костей, всякий раз суя косточку в рот, оглядывая себя — не исчезла ли — и отбрасывая кость. Двигалась она грациозно, словно танцуя, словно было кому ее видеть или как будто хватало и того, что она сама себя видит.

В конце концов, — впрочем, так и не перепробовав все кости, — она утратила к ним интерес. Последние она нетерпеливо отшвырнула и выкинула всю грязь в окно, не особо заботясь о том,

куда та может упасть. Затем она залила огонь, и каким-то своеобразным движением вытянулась на большой кровати, и долго лежала в темноте, без сна, и тело ее досадливо вздрагивало.

— Вот в этом, мои герои, — заключил Гавейн, — и есть причина, по коей мы, оркнейцы и корнуольцы, должны еще пуще противиться Королям Английским, а наипаче — клану Мак-Пендрагона.

— И вот почему наш папа отправился биться с Королем Артуром, ибо Артур тоже Пендрагон. Так говорит наша мамочка.

— И мы обязаны вечно хранить эту вражду, — сказал Агравейн, — потому что мамочка из Корнуоллов. Дама Игрейна была наша бабушка.

— Наш долг — отомстить за семью.

— Потому что наша мамочка — самая прекрасная женщина в гористом, просторном, увесистом, приятно кружащемся мире.

— И потому что мы ее любим.

И впрямь, они любили ее. Быть может, и все мы отдаем лучшее, что есть в наших сердцах, бездумно, — тем, кто в ответ едва о нас вспоминает.

2

В мирном промежутке между двумя Гаэльскими Войнами на зубчатой башне Камелотской твердыни юный Король Англии стоял рядом со своим наставником и вглядывался в лиловатые вечерние дали. Под ними мягкий свет окутывал землю, и медленная река вилась между почтенным аббатством и величавой крепостью, и в закатных пламенных водах отражались шпили, и башенки, и длинные вымпелы, недвижно свисавшие в мирном воздухе.

Мир, лежавший пред ними, походил на игрушку, ибо они находились на высокой башне, царившей над городом. У себя под ногами они могли видеть траву внешнего замкового двора, — глядеть на нее вниз было жутковато, — и укороченного человечка с двумя ведрами на коромысле, бредущего по траве в сторону походного зверинца. Дальше, у наворотного покоя, смотреть на который было не так боязно, потому что помещался он не прямо под ними, виднелся ночной дозор, принимавший пост у сержанта. Дозорные и сержант щелкали каблуками, салютовали,

потрясали копьями и обменивались паролями звонко, словно свадебные колокола, — но двое на башне не слышали их, ибо все происходило слишком далеко внизу. Дозор напоминал оловянных солдатиков, крошечную ирландскую стражу, и топот солдатских ног оставался беззвучен на сочной, подъеденной овцами траве. Дальше, за внешней стеной, слышался глухой гомон, там рядились на рынке старухи, завывали младенцы, бражничали капралы, и с этим шумом мешалось блеянье нескольких козлов, звон от колокольцев двух-трех прокаженных, проходивших, накрывшись белыми балахонами, шелест от ряс монахинь, по двое добродетельно навещающих бедных, и крик от драки, затеянной какими-то джентльменами, сильно интересующимися лошадьми. На другом берегу реки, струившейся под крепостной стеной, мужчина перепахивал поле, привязав плуг прямо к лошадиному хвосту. Дерево плуга скрипело. Неподалеку от мужчины сидела на берегу некая молчаливая личность, пытаясь выловить на червя лосося, — реки в ту пору загажены не были, — а чуть подальше осел встречал подступавшую ночь громким концертом. Все эти звуки доносились до двоих, стоявших на башне, приглушенно, словно они слушали их

через рупор, приложенный к уху не тем концом.

Артур был молод, он стоял еще на самом пороге жизни. Светловолосый, с глуповатым, — во всяком случае, бесхитростным — лицом. Открытое лицо, добрые глаза и выражение доверчивое и положительное, как у прилежного ученика, радующегося жизни и не верящего в прирожденную человеческую греховность. Просто ему никогда не приходилось испытывать дурного обхождения, и оттого он был добр к людям.

Короля облекала бархатная мантия, принадлежавшая Утеру Завоевателю, его отцу, отделанная бородами покоренных в давние дни четырнадцати королей. К сожалению, были среди этих королей и рыжие, и чернявые, и седые, и бороды они отращивали разной длины, так что отделка походила на боа из перьев. А вокруг пуговиц мантии топорщились их усы.

Мерлина же украшала борода белая, по пояс, и еще очки в роговой оправе и остроконечная шляпа. Он носил ее в знак уважения к порабощенным саксам, чьим национальным головным убором было либо подобие купальной шапочки, либо фригийский колпак, либо такой вот конус, только соломенный.

Двое слушали вечер, изредка обмениваясь сло-

вами, — когда слова приходили на ум.

— Да, — сказал Артур, — должен сказать, что королем быть приятно. Сражение получилось отличное.

— Ты так считаешь?

— Ну а как же не отличное? Видел бы ты, как бежал Лот Оркнейский, едва я пустил в дело Экскалибур.

— Сначала он поверг тебя наземь.

— Пустяки. Это оттого, что я не пользовался Экскалибуром. Стоило мне вытащить мой верный меч, и они разбежались, как кролики.

— Они вернутся, — сказал волшебник, — все шестеро. Короли Оркнея, Гарлота, Гоора, Шотландии, и Король из Башни, и Король-с-Сотней-Рыцарей уже учредили, в сущности говоря, Гаэльскую Конфедерацию. Тебе следует помнить, что твои притязания на трон вряд ли можно назвать традиционными.

— Да пускай возвращаются, — ответил Король, — не возражаю. На сей раз я разобью их как следует, и тогда мы увидим, кто здесь хозяин.

Старик сунул бороду в рот и принялся жевать ее, как делал обыкновенно, когда что-либо выводило его Из себя. Один перекушенный волос завяз у него между зубами. Он попытался вытолкнуть

его языком, потом вытянул двумя пальцами. В конце концов он принялся скручивать его концы в два колечка.

— Я полагаю, что рано или поздно тебя удастся чему-нибудь научить, — сказал он, — но видит Бог, до чего это тяжкая, изнурительная работа.

— Ну да?

— Да! — страстно воскликнул Мерлин. — Ну да? Ну да? Это все, что ты можешь сказать. Ну да? Ну да? Как школьник.

— Поаккуратней, а то я отрублю тебе голову.

— Отруби. Сделай доброе дело. По крайности, не придется больше учительствовать.

Артур облокотился на башенный парапет и повернулся к своему старинному другу.

— В чем дело, Мерлин? — спросил он. — Я что-то неверное сделал? Извини, коли так.

Волшебник расправил бороду и высморкался

— Горе не в том, что ты делаешь, — сказал он. — Горе в том, как ты думаешь. Если и существует что-то, чего я не в состоянии переносить, так это глупость. Я всегда говорил, что глупость — это прегрешение против Духа Святого.

— Да уж это я слышал.

— Ну вот, теперь ты язвишь.

Король взял его за плечо и развернул к себе.

— Послушай, — сказал он, — что такого случилось? Ты в дурном настроении? Если я совершил какую-то глупость, скажи мне. Не надо злиться.

Эти слова только пуще разозлили престарелого некроманта.

— Скажи ему! — воскликнул он. — А что, интересно, ты станешь делать, когда сказать будет некому? Ты когда-нибудь собираешься начать думать самостоятельно? Что будет, когда меня заточат в этот мой дурацкий могильник, хотел бы я знать?

— Я и не слышал ни о каком могильнике.

— Да черт с ним, с могильником! Какой еще могильник? О чем я с тобой разговаривал, а?

— О глупости, — сказал Артур. — Разговор начался с глупости.

— Вот именно.

— Послушай, от твоего «вот именно» толку немного. Ты собирался мне что-то сказать о глупости.

— Я не знаю, что я собирался сказать. Ты своими штучками доводишь человека до такого каления, что через две минуты разговора никто уже не в состоянии понять, о чем он ведется. С чего все началось?

— Все началось со сражения.

— Теперь вспомнил, — сказал Мерлин. — Вот именно с него все и началось.

— Я сказал, что сражение было доброе.

— Это я припоминаю.

— Так оно ведь и было доброе, — оправдывающимся тоном повторил Король. — Приятное было сражение, и я сам его выиграл, ведь это же весело.

Волшебник погружался вглубь своего сознания, и глаза его при этом затягивались пленкой, словно у ястреба. В течение нескольких минут на укреплениях стояла тишина, лишь над ближним полем пара играющих в охоту сапсанов кувыркалась в воздухе, выкрикивая «кик-кик-кик» и звеня колокольцами. Мерлин снова выглянул из своих глаз.

— Ты искусно выиграл это сражение, — медленно вымолвил он.

Артура учили, что следует проявлять скромность, и в простоте своей он не заметил, что стервятник вот-вот падет на него с высоты.

— Да чего там. Мне просто повезло.

— Очень искусно, — повторил Мерлин. — Сколько пехоты у тебя полегло?

— Не помню.

— Не помнишь.

— Кэй говорил…

Король застыл в середине фразы и взглянул на волшебника.

— Ладно, — сказал он. — Выходит, ничего в нем веселого не было. Я не подумал.

— Потери составили больше семи сотен. Разумеется, все сплошь мужики-пехотинцы. Из рыцарей никого не поранило, за вычетом одного, сломавшего ногу при падении с лошади.

Увидев, что Артур не собирается отвечать, старик продолжал с еще большей горечью.

— Я забыл, — прибавил он, — что ты получил несколько очень серьезных царапин.

Артур не отрывал пылающих глаз от ногтей на своей руке.

— Ненавижу тебя, когда ты такой зануда. Мерлин пришел в восторг.

— Вот! Вот это и есть потребное нам настроение, — сказал он, продевая свою руку сквозь королевскую и радостно улыбаясь. — Это уже на что-то похоже. Отвечай за себя сам, тогда не пропадешь. А просить совета — роковая ошибка. Помимо прочего, меня здесь очень скоро не будет, и советовать будет некому.

— О чем это ты все время твердишь, — что тебя здесь не будет, насчет могильника и так далее?

— Да ерунда. Мне в скором будущем предстоит влюбиться в девицу по прозванью Нимуя, и тогда она выучит мои заклинания и на несколько веков заточит меня в пещеру. Это из тех вещей, от которых никуда не денешься.

— Но Мерлин, это же ужасно! Застрять на несколько столетий в пещере, будто жаба в норе! Надо же как-то этому помешать!

— Глупости, — сказал волшебник. — О чем я говорил?

— О той девице…

— Я говорил о советах и о том, что никогда не следует их принимать. Так вот, теперь я как раз собираюсь дать тебе парочку. Я советую тебе подумать о битвах, о волшебном твоем королевстве и о том, чем должен заниматься король. Ты сделаешь это?

— Сделаю. Разумеется, сделаю. Но вот насчет этой девицы, которая выучит твои заклинания…

— Ты понимаешь, дело ведь не в одних королях, но и просто в людях. Когда ты говоришь, что сражение вышло прелестное, ты думаешь так же, как твой отец. А я хочу, чтобы ты думал по-своему, чтобы ты оправдал все то образование, которое от меня получил, — потом, когда я буду всего лишь стариком, упрятанным в яму.

— Мерлин!

— Ладно, ладно! Я, собственно, и напрашивался на жалость. Не обращай внимания. Это я так, для эффекта. Сказать по правде, получить покой на несколько сотен лет — возможность совершенно очаровательная, а что до Нимуи, то, оглядываясь на прожитое, я с большим нетерпением предвкушаю нашу с ней встречу. Нет-нет, самое важное сейчас — это чтобы ты выучился думать самостоятельно, и еще вопрос о сражениях. Ты, например, думал когда-нибудь всерьез о состоянии твоей страны, или ты так и намерен продолжать ту жизнь, которую вел Утер Пендрагон? В конце-то концов, ты ведь здешний Король.

— Думал, но не очень подолгу.

— Понятно. Ну так разреши, я вместо тебя немного подумаю. Предположим, мы задумались о нашем гаэльском друге, о сэре Брюсе Безжалостном.

— Об этом типе!

— Вот именно. А что это ты так о нем отзываешься?

— Да ведь это свинья. Он же убивает девиц, а стоит настоящему рыцарю прийти кому-то из них на помощь, как он удирает во все лопатки. Он растит особых быстрых скакунов, чтобы никто не

смог его изловить, да еще и нападает со спины. Попался бы он мне, я бы его на месте убил.

— Что ж, — сказал Мерлин. — Не думаю, чтобы он сильно отличался от прочих. К чему, вообще говоря, сводится все это рыцарство? Если попросту, то оно означает, что нужно быть достаточно богатым, чтобы обзавестись замком, оружием и доспехами, а когда у тебя все это есть, ты можешь заставить саксов делать то, что тебе угодно. Единственно чем ты рискуешь — это получить пару царапин, если доведется нарваться на другого рыцаря. Вспомни хоть тот поединок между Пеллинором и Груммором, когда ты был маленький. Это ведь доспехи сражались. Любой барон может резать бедняков, сколько ему заблагорассудится, а увечить друг друга — это просто их каждодневная работа, — и в результате страна лежит в запустении. Сильный прав — вот их девиз. Брюс Безжалостный — всего лишь пример общего положения дел. Взгляни на Лота, на Нантреса, на Уриенса, на всю ораву гаэлов, сражающихся с тобой за Королевство. Я готов допустить, что вытягивание мечей из камней не такое уж юридически безупречное доказательство происхождения, но ведь короли Древнего Люда бьются с тобой не из-за этого. Они восстали против тебя,

против своего суверена, просто потому что трон зашатался. Как мы когда-то говаривали, трудности Англии — шанс для Ирландии. Для них это возможность свести расовые счеты, устроить небольшое чисто спортивное кровопускание и малость заработать на выкупах. Лично они в этой заварухе ничего не теряют, они же в латах, — и похоже, что ты тоже наслаждаешься. Однако посмотри на страну. Посмотри на сожженные риги, на торчащие из прудов ноги покойников, на лошадей, валяющихся вдоль дорог со вздувшимися животами, на разрушенные мельницы, на зарытые деньги, на то, как никто не решается выходить на дорогу с золотом или украшениями на одежде. Вот это и есть современное рыцарство. С привкусом Утера Пендрагона. А ты еще говоришь о веселом сражении!

— Я думал о себе.

— Я знаю.

— А надо было думать и о людях, у которых нет доспехов.

— Верно.

— Сильный не прав, так, Мерлин?

— Ага! — просияв, ответил волшебник. — Ага! Ты хитрый паренек, Артур, но на такой ерунде ты своего старого наставника не поймаешь. Тебе

хочется меня разозлить и вынудить думать вместо тебя. На это я не клюну. Я для этого слишком старый лис. Остальное тебе придется додумывать самому. Прав ли сильный, — а если не прав, то почему, привести причины и разработать план. И затем, — что ты намереваешься делать в этой связи.

— А что бы… — начал было Король, но вовремя заметил признаки неудовольствия.

— Очень хорошо, — сказал он. — Я подумаю об этом.

И принялся думать, поглаживая верхнюю губу там, где еще предстояло вырасти усам.

Перед тем, как им уйти с укреплений, случилось маленькое происшествие. Человек, несший ведра в зверинец, теперь воротился с пустыми. По дороге к кухонной двери он ненадолго остановился прямо под ними, совсем крохотный с виду. Артур, поигрывавший ослабевшим камнем, который он вытянул из навесной бойницы, утомясь от размышлений, глянул вниз с камнем в ладони.

— Каким маленьким кажется Курселен.

— Совсем крошка.

— Интересно, что будет, если я уроню этот камень ему на голову?

Мерлин прикинул расстояние.

— При тридцати двух футах в секунду, — сказал он, — я полагаю, его убьет до смерти. Четырехсот g достаточно, чтобы разнести череп.

— Я никого никогда так не убивал, — пытливым тоном произнес юноша.

Мерлин смотрел на него.

— Ты Король, — сказал он. И добавил: — Никто тебе ни слова не скажет, если ты попробуешь.

Артур стоял неподвижно, перегнувшись, с камнем в руке. Затем он, не шелохнувшись, скосил глаза, чтобы встретиться взглядом с наставником.

Камень аккуратнейшим образом снес с головы Мерлина шляпу, и старый джентльмен грациозно помчался за юношей вниз по лестнице, размахивая палочкой из дерева жизни.

Артур был счастлив. Подобно человеку в Раю, еще до грехопадения, он наслаждался невинностью и удачей. Вместо бедного оруженосца он стал королем. Вместо того чтобы так и остаться сиротой, он был любим почти всеми, за исключеньем гаэлов, и сам отвечал любовью всякому.

Пока что во всем, что касалось его, на веселой, радостной поверхности сверкающего росой мира не замечалось ничего, похожего и на малую частицу печали.

3

Сэр Кэй интересовался Королевой Оркнея, — он много слышал о ней.

Как-то раз он спросил:

— Кто такая Королева Моргауза? Мне рассказывали, что она прекрасна. Это из-за нее желает драться с нами Древний Народ? И что представляет собой ее муж, Король Лот? Какой его полный титул? Я слышал, как одни называли его Королем Внешних Островов, а другие — Королем Лоутеана и Оркнея. Где этот Лоутеан? Недалеко от Ги Бразила? Я не понимаю, с какой стати бунтуют? Все же знают, что Король Англии — их феодальный властитель. Говорят, у нее четыре сына. Правда, что она не очень-то ладит с мужем?

Они верхом возвращались домой после целого дня, проведенного в горах за охотой с сапсанами на куропаток. Мерлин отправился с ними, потому что ему хотелось проехаться. В последнее время он впал в вегетарианство — в качестве принципиального противника всякого вида спорта, сопряженного с пролитием крови, хоть в пору бездумной юности и сам он успел поупражняться в

большей части из них, да и поныне втайне наслаждался, глядя на соколов. Их совершенные круги в небесах, в ожидании, — снизу они казались не больше соринки — шумный шелест, с которым они, будто косой, сносили куропатку, и то, как несчастная дичь, мгновенно убитая, падала кверху тормашками в вереск, — перед всеми этими соблазнами он пасовал с неуютным чувством своей греховности. Он успокаивал это чувство, повторяя себе, что куропатки предназначены для еды. Но и то было пустой отговоркой, ибо употребление мяса также казалось ему неправым.

Артур, скакавший настороженно, как и положено осмотрительному молодому монарху, отвел глаза от куста утесника, за которым в те ранние анархические времена вполне могла затаиться засада, и, приподняв бровь, поворотился к своему наставнику. Половина его разума пыталась угадать, на какой из вопросов Кэя предпочтет ответить волшебник, но другая еще продолжала оценивать военные возможности ландшафта. Он знал, как далеко отстали от них сокольничие, — носильщик, тащивший накрытых клобучками птиц на квадратной раме, висевшей у него на плечах, и два вооруженных охранника, — и сколько еще ехать до следующего места, где мож-

но было получить стрелу, сразившую Вильгельма Рыжего.

Мерлин выбрал второй вопрос.

— Войн никогда не ведут по какой-то одной причине, — сказал он. — Причин, как правило, дюжины, все вперемешку. То же и с мятежами.

— Но ведь должна быть и главная, — сказал Кэй.

— Не обязательно. Артур сказал:

— Давайте-ка рысью. До тех кустов две мили по открытому месту, можно будет не спеша прогуляться назад, навстречу нашим людям. Заодно и кони продышатся.

С Мерлина сдуло шляпу. Пришлось остановиться, чтобы ее подобрать. После этого они неторопливо поехали в ряд.

— Одну из причин, — сказал волшебник, — составляет вечная вражда гаэлов и галлов. Гаэльская Конфедерация представляет древнюю расу, изгнанную из Англии несколькими другими расами, кои представляете вы. Естественно, они будут пакостить вам, где и как только смогут.

— Расовая история выше моего понимания, — сказал Кэй. — Никому неизвестно, кто к какой расе принадлежит. И во всяком случае, все они сервы.

Старик взглянул на него с выражением, пожалуй, даже довольным.

— Что меня всегда поражало в норманнах, — сказал он, — так это то, что они, в сущности, ничего ни о чем не знают, кроме как о самих себе. И ты, Кэй, в качестве норманнского джентльмена, довел эту черту до крайности. Вот интересно, знаешь ли ты хотя бы, кто такие гаэлы? Их еще называют кельтами.

— Кельт — это род боевого топора, — сказал Артур, удивив таким сообщением волшебника сильнее, чем его удивляли на протяжении жизни нескольких поколений, Ибо сообщение было верным в отношении одного из значений этого слова, но Артур того знать не мог.

— Я не об этих кельтах. Я говорю о народе. Будем называть их гаэлами. Я имел в виду древние народы, жившие в Британии, Корнуолле, Уэльсе, Ирландии и Шотландии. Пикты и прочие.

— Пикты? — спросил Кэй. — О пиктах я, по-моему, слышал. Пиктограммы. Они еще красились в синий цвет.

— И предполагалось ведь, что я даю вам образование!

Король задумчиво сказал:

— Ты не мог бы рассказать мне о расах, Мерлин?

Наверное, я должен разбираться в ситуации, если нам предстоит вторая война.

На этот раз удивился Кэй.

— А что, разве будет война? — спросил он. — Впервые слышу. Мне казалось, что мятеж был подавлен в прошлом году.

— Вернувшись домой, они вступили в новый союз с пятью новыми королями, так что теперь их одиннадцать. И эти новые тоже старых кровей. Кларенс Нортумберландский, Идрис Корнуольский, Крадилмас из Северного Уэльса, Брандегорис Странгорский и Ангвис Ирландский. Боюсь, война будет серьезная.

— И все из-за каких-то рас, — сказал с отвращением молочный брат Короля. — Ладно, хоть повеселимся.

Король оставил эти слова без внимания.

— Ну же, — сказал он Мерлину. — Мне нужны объяснения.

— Но только, — быстро добавил он, едва волшебник открыл рот, — поменьше подробностей.

Прежде чем смириться с этим ограничением, Мерлин еще дважды открывал и закрывал рот.

— Примерно три тысячи лет назад, — сказал он, — земля, по которой ты едешь, принадлежала расе гаэлов, сражавшихся медными топорами.

Две тысячи лет назад их отогнала на запад другая раса гаэлов, с бронзовыми мечами. Тысячу лет назад сюда вторглись германцы, у этого народа оружие было железное, но он не успел овладеть всеми Пиктианскими Островами, потому что в самый разгар вторжения явились римляне и ему помешали. Лет восемьсот назад римляне ушли, а затем еще одно вторжение германцев, — эта народность называлась по преимуществу саксами, — как водится, отогнала всю прочую шушеру на запад. Саксы только-только начали обосновываться, как объявился твой отец, Завоеватель, с командой норманнов, — вот тебе и нынешняя ситуация. Робин Вуд был саксом-партизаном.

— Я полагал, что нас именуют Британскими Островами.

— Правильно, именуют. Люди вечно смешивают В и П. А пуще германцев никто в согласных не путается. В Ирландии и по сию пору толкуют о каком-то народе, называемом Фоморы, каковые на самом деле попросту родом из Померании, в то время как…

В этот критический момент Артур его перебил.

— Получается, стало быть, следующее, — сказал он, — норманны поработили саксов, у которых имелись некогда собственные рабы, которые на-

зывались гаэлами — Древним Народом. В таком случае я не понимаю, с какой стати Гаэльская Конфедерация норовит сражаться со мной — с королем норманнов, — когда на самом деле их поработили саксы, да и произошло-то это сотни лет назад.

— Ты, мой мальчик, недооцениваешь памятливость гаэлов. Они не делают между вами различия. Норманны — германская раса, как и саксы, которых завоевал твой отец. Что же касается древних гаэлов, они попросту считают обе ваши расы ветвями одного и того же враждебного народа, загнавшего их на запад и на север.

Кэй решительно произнес:

— Я больше не вынесу истории. В конце концов, считается, что мы вроде бы выросли. Если так будет продолжаться, мы кончим диктантом.

Артур ухмыльнулся и запел хорошо им памятным голоском: «Barbara Celarent Parii Ferioque Prioris», а Кэй антифоном пропел четыре следующих строки.

Мерлин сказал:

— Сами просили.

— Вот и получили.

— Значит, суть в том, что война разразится потому, что германцы, галлы, или как ты их еще

называл, давным-давно обидели гаэлов.

— Вовсе нет, — воскликнул волшебник. — Я никогда ничего подобного не говорил.

Его собеседники разинули рты.

— Я сказал, что война случится по дюжинам причин, не по одной. Еще одна из причин именно этой войны состоит в том, что Королева Моргауза носит брюки. Или, может быть, лучше сказать — тартановые штаны.

Артур терпеливо произнес:

— Я что-то не пойму. Сначала мне внушают, будто Лот и все остальные бунтуют потому, что они гаэлы, а мы галлы, а теперь меня уверяют, что все дело в штанах Королевы Оркнейской. Ты не мог бы высказаться определеннее?

— Существует вражда между гаэлами и галлами, о которой мы уже говорили. Но есть ведь и иные виды вражды. Ты не забыл, надеюсь, что твой отец еще до того, как ты родился, убил графа Корнуолла? Королева Моргауза — одна из дочерей этого графа.

— Прекрасные Корнуольские Сестры, — вставил Кэй.

— Вот именно. С одной из них вы знакомы — с Королевой Морганой ле Фэй. Это ее вы нашли на кровати из сала, когда ходили в поход с Робин

Вудом. Третьей сестрой была Элейна. Вся троица — ведьмы, хотя только Моргана и занимается этим всерьез.

— Если мой отец, — сказал Король, — убил отца Королевы Оркнея, то у нее, я думаю, есть добрая причина желать, чтобы муж ее восстал против меня.

— Это всего только личная причина. А личные причины не могут служить извинением для войны.

— И более того, — продолжал Король, — если моя раса изгнала расу гаэлов, то и у подданных Королевы Оркнея имеется, насколько я понимаю, причина не хуже.

Мерлин поскреб скрытый бородой подбородок рукой, державшей поводья, и задумался.

— Утер, — сказал он наконец, — твой оплакиваемый отец, был захватчиком. Равно как и его предшественники саксы, изгнавшие Древний Народ. Но если мы все будем строить на таком движении вспять, мы никогда не доберемся до конца. Древний Народ и сам был захватчиком по отношению к более ранней расе с медными топорами, однако и те топорных дел мастера являлись захватчиками по отношению к какой-то еще более ранней орде эскимосов, питавшихся

моллюсками. Этак можно продолжать, пока не доберешься до Каина с Авелем. Суть-то в том, что и Саксонское Завоевание было успешным, и Норманнское тоже. Твой отец давно усмирил неудачливых саксов, как бы грубо он это ни сделал, а по прошествии многих лет люди оказываются готовыми принять status quo. Кроме того, я хотел бы отметить, что Норманнское Завоевание являло собой процесс сплочения мелких делений в крупные, — тогда как теперешний мятеж Гаэльской Конфедерации представляет процесс распада. Они хотят разбить то, что они могли бы назвать Объединенным Королевством, на множество собственных мелких и кичливых королевств. Вот почему их побудительные мотивы не могут быть названы добрыми. Он еще раз поскреб подбородок и вдруг прогневался.

— Никогда я не переваривал этих националистов, — воскликнул он. — Участь человека в единении, не в разделении. Разделение в конце концов приведет нас к сообществу обезьян, швыряющих друг в друга орехами со своего дерева каждая.

— И все же, — сказал Король, — мне кажется, у них имеется достаточно поводов для обиды. Быть может, мне не следует с ними бороться?

— Сдаться что ли? — спросил Кэй, скорее забавляясь, чем с испугом.

— Я мог бы отречься.

— Ты Король, — упрямо сказал старик. — Никто не скажет тебе ни слова, если ты отречешься.

Чуть позже он заговорил более мягким тоном.

— А знаешь ли ты, — сказал он с некоторым сожалением в голосе, — что и сам я принадлежу к Древнему Люду? Отец мой был, как уверяют, демоном, а мать — из гаэлов. Вся человеческая кровь, какая есть в моих жилах, досталась мне от Древних. И все-таки я противник их националистических идей, их политиканы кличут таких, как я, перебежчиками, ибо, раздавая клички, они набирают очки в дешевых дебатах. И еще, ты знаешь, Артур, жизнь — штука достаточно горькая и без территорий, войн и благородной вражды.

4

Сено уже собрали, еще неделя, и поспеют хлеба. Втроем они сидели в тени на краю пшеничного поля, наблюдая за белозубыми, дочерна загорелыми людьми, беспорядочно сновавшими по залитому солнцем полю, — кто приспосабливал новую ручку к косе, кто натачивал серп, — все готовились к окончанию ежегодных сельских трудов. Мирный покой осенял ближние к замку поля, здесь нечего было бояться стрел. Глядя на сборщиков урожая, они срывали полусозревшие колосья и с удовольствием покусывали зерна, наслаждаясь мягким молочным вкусом пшеницы и шелушистой, не столь обильной плотью овса. Жемчужный вкус ячменя, пожалуй, показался бы им странноватым, ибо ячмень еще не добрался до Страны Волшебства.

Мерлин все еще продолжал свои объяснения.

— Когда я был молод, — говорил он, — бытовала такая идея, что любая война — дело неправое. В те дни очень многие заявляли, что они просто-напросто никогда и ни за что сражаться не станут.

— Возможно, они были правы, — сказал Ко-

роль.

— Нет, не были. Одна честная причина для драки все же имеется, и состоит она в том, что драку затеял кто-то другой. Понимаешь, войны, конечно, греховны, они, может быть, греховнее всего, что творят греховные виды живых существ. Они греховны настолько, что их вообще не следует допускать. Но если ты совершенно уверен, что войну начал другой человек, значит, наступило такое время, когда остановить его — это до некоторой степени твой долг.

— Но ведь любая из сторон всегда объявляет зачинщиком своего врага.

— Разумеется, объявляет, и даже хорошо, что ей приходится так поступать. По крайней мере, это показывает, что втайне каждая из сторон сознает, какой грех — развязывать войны.

— И все же насчет причин, — возразил Артур. — Если одна из сторон каким-то способом доводит другую до голода, — способы могут быть самые мирные, экономические, с военными действиями вовсе не связанные, — тогда голодающая сторона получает право сражаться, чтобы выйти из этого положения, — ты понимаешь, что я имею в виду?

— Я понимаю, что ты, как тебе кажется, име-

ешь в виду, — сказал волшебник, — однако ты не прав. Войне нет оправданий, нет вообще, и какого бы зла твой народ ни причинил моему — не считая военного нападения — именно мой народ будет неправ, если *затеет* войну, чтобы выправить дело. Убийцу, к примеру, не оправдывают, когда он отговаривается тем, что жертва его была богата и его угнетала, — так с какой же стати оправдывать на этом основании целый народ? Несправедливость надлежит исправлять с помощью разума, а не силы.

Кэй сказал:

— Допустим, Король Лот Оркнейский выстраивает армию вдоль всей северной границы, — что остается делать нашему Королю, как не послать свою армию, чтобы она встала на той же самой линии? Теперь допустим, что все воины Лота обнажают мечи, тогда ведь и нам останется лишь обнажить наши. Ситуация может быть и сложнее Похоже, неспровоцированное нападение — это такая штука, с которой трудно быть в чем-то уверенным.

Мерлин рассердился.

— Это оттого, что тебе хочется, чтобы было на то похоже, — сказал он. — Совершенно очевидно, что зачинщиком будет Лот, ибо именно он угро-

жал нам силой. Установить главного виновника можно всегда, если только не плутовать в рассуждениях. И в конечном счете, им безусловно является тот, кто наносит первый удар.

Кэй, однако, не желал так просто расстаться со своим доводом.

— Давай вместо двух армий возьмем двух людей, — сказал он. — Они стоят друг против друга, оба вытаскивают мечи, делая вид, что у них есть на то свои причины, оба начинают кружить один вокруг другого, выискивая слабое место, и оба делают ложный выпад мечом, притворяясь, будто желают ударить, но не ударяя И ты хочешь мне доказать, что зачинщик — это тот, кто по-настоящему нанесет первый удар?

— Да, если иных оснований для решения нет. В твоем же случае зачинщиком, очевидно, является тот, кто первый вывел свою армию к границе.

— Все эти разговоры о первом ударе — просто пустой звук. А если они ударят одновременно, или, допустим, ты не видишь, кто наносит первый удар, потому что слишком много народу стояло один против другого?

— Да почти всегда есть что-то еще, на чем можно основываться, вынося решение, — воскликнул старик. — Обратись к здравому смыслу. Посмот-

ри, к примеру, на этот гаэльский мятеж. Есть у Короля причины для нападения? Он ведь и так их феодальный властитель. Какой же смысл прикидываться, будто это он на них нападает? Никто не нападает на свое достояние.

— Я-то уж точно не чувствую себя во всем этом зачинщиком, — сказал Артур. ~ По правде сказать, я и не предвидел событий, пока они не разразились. Наверное, это из-за того, что меня растили в глуши.

— Любой разумный человек, — продолжал его наставник, не обращая внимания на помеху, — если он пребывает в твердом уме, в девяноста войнах из ста способен назвать зачинщика. Прежде всего, он способен увидеть, какая из сторон больше выиграет от войны, а это уже серьезная причина для подозрений. Затем можно выяснить, какая сторона первой пригрозила силой или принялась вооружаться И наконец, часто можно с точностью указать, кто нанес первый удар.

— А что, — сказал Кэй, — если одна из сторон первой применила угрозу силой, а другая нанесла первый удар?

— Ой, послушай, иди, сунь голову в бадью с холодной водой. Я же не утверждаю, что решение возможно в любом случае. С самого начала на-

шего спора я говорил, что существует множество войн, в которых ежу понятно, кто агрессор, и что в таких войнах сражение с преступником может оказаться долгом всякого порядочного человека. Вот если ты не уверен в его преступности, — а тут ты обязан отдать себе полный отчет, собрав воедино всю честность, какая у тебя только найдется, всю, до крохи, — тогда, разумеется, поступай в пацифисты. Помнится, я и сам был когда-то яростным пацифистом — во время Бурской войны, когда моя страна оказалась агрессором, — и одна молодая дама едва не оглушила меня пищалкой в ночь Мафекинга.

— Расскажи нам про ночь Мафекинга, — сказал Кэй. — А то меня уже мутит от этих разговоров насчет того, кто прав, кто неправ.

— Ночь Мафекинга. — начал волшебник, всегда готовый рассказывать кому и о чем угодно. Однако ему помешал Король.

— Расскажи нам про Лота, — сказал он. — Раз уж придется с ним драться, надо бы знать, кто он такой. Вообще же эта тема — кто прав, кто неправ и почему, — меня заинтересовала.

— Король Лот… — начал Мерлин тем же самым тоном, но теперь Кэй его перебил.

— Нет, — сказал Кэй. — Расскажи о Королеве.

Похоже, она интересней.

— Королева Моргауза..

Впервые в жизни Артур использовал право вето. Мерлин, заметив, как приподнялась его бровь, с неожиданным смирением вернулся к рассказу о Короле Оркнея.

— Король Лот, — сказал он, — рядовой член сословия пэров и королей-землевладельцев. Попросту ноль. И нечего о нем думать.

— Как это?

— Прежде всего, он то, что мы в мои молодые годы называли джентльменом из хорошей семьи. Подданные его — гаэлы, как и его жена, однако сам он прибыл сюда из Норвегии. Он такой же галл, как вы, представитель правящего класса, давным-давно завладевшего Островами. А это означает, что подход к войне у него в точности тот же, что был у твоего отца. Ему равно наплевать на гаэлов и на галлов, однако он отправляется воевать совершенно так же, как мои викторианские друзья отправлялись охотиться на лис, ну, может быть, еще ради выгоды или выкупа. К тому же его жена подзуживает.

— Порою, — сказал Король, — мне хочется, чтобы ты родился и жил, как все нормальные люди, — вперед. Эти твои викторианцы и ночь

Мафекинга…

Мерлин разгневался.

— Связь между военным искусством норманнов и викторианской лисьей охотой не вызывает сомнений. Давай на минуту забудем про твоего отца и про Короля Лота и обратимся к литературе. Возьми норманнские предания, то, что говорится в них относительно таких легендарных личностей, как анжуйские короли. Все они, от Вильгельма Завоевателя до Генриха Третьего, предавались войне лишь в определенное время года. Стоило этому времени наступить, как они выезжали навстречу врагу в великолепных доспехах, уменьшавших опасность ранения до минимума, привычного для участника лисьей охоты. Возьми битву при Бренневилле, решившую участь войны, — девять сотен рыцарей вышли на поле сражения, и только трое оказались убиты. Возьми Генриха Второго, занимавшего деньги у Стефана, чтобы заплатить собственному войску, которое с этим же Стефаном и сражалось. А возьми спортивный этикет, согласно которому Генриху пришлось снять осаду, едва с осажденными соединился его враг, Людовик, поскольку Людовик был к тому же его сувереном. А возьми осаду горы Святого Михаила, при которой победа

над осажденными была сочтена неспортивной по той причине, что у осажденных иссякла вода. А битва при Мальмсбери, прекращенная из-за дурной погоды. Вот наследство, которое ты получил, Артур. Ты стал королем над землями, в которых народные агитаторы ненавидят друг друга по расовым причинам, а владетельные лорды сражаются для развлечения, и ни расовый маньяк, ни благородный боец даже не думают об обычных солдатах, которым только и выпадают увечья. И если ты, Король, не сможешь заставить дела в этом мире идти не так, как идут они ныне, твое правление будет нескончаемой вереницей пустяковых сражений, ведомых по причинам либо спортивным, либо и вовсе плевым, и гибнуть в них будут одни бедняки. Вот почему я просил тебя думать. Вот почему…

— Я думаю, — сказал Кэй, — это Динадан там машет руками. Значит, обед готов.

5

Дом Матушки Морлан на Внешних Островах едва ли превосходил размерами конуру крупной собаки, но был он удобен и полон интересных вещей. Дверь украшали две прибитых к ней конских подковы, а внутри имелось: пять статуэток, купленных у пилигримов и обвитых каждая потертыми четками, так что хороший молельщик мог передохнуть, переходя от одного порядка молитв к другому; несколько пучков слабительной льнянки, лежавших на крышке соляного ларя; несколько наплечных повязок, обмотанных вокруг кочерги; двадцать бутылок шотландского виски — все, кроме одной, пустые; около бушеля сушеной вербы — память о Вербных Воскресениях за последние семьдесят лет; и множество шерстяных нитей, которыми обвязывают коровий хвост, когда корова телится. Имелась здесь также и большая коса без рукояти, приготовленная Матушкой на случай появления грабителя, — если отыщется настолько дурной, чтобы сунуться к ней, — а у дымохода висели ясеневые дубинки, из которых ее больной муж

когда-то давно намеревался понаделать цепов, и с ними шкурки, содранные с угрей и полоски конской кожи, тоже заготовленные для цепов. Под шкурками стояла здоровенная бутыль со святой водой, а перед горящим в очаге торфом восседал со стаканом живительной влаги в руке ирландский святой, которых в ту пору много жило по берегам островов в ульеобразных кельях. Был он из сбившихся с пути истинного святых, ибо впал в пелагианскую ересь целестианского толка, уверовав, что душа и сама себя может спасти. И теперь деятельно спасал ее с помощью Матушки Морлан и крепкого виски.

— Да пребудут с вами Бог и Мария, Матушка Морлан, — сказал Гавейн. — Мы пришли послушать какую-нибудь историю, мэм.

— Да пребудут и с вами Бог, Мария и Андрей, — воскликнула старуха. — Что это вы просите меня об истории, когда вон его преподобие сидит на куче золы!

— Доброго вечера вам, Святой Тойрделбах, мы и не заметили вас в темноте.

— Да благословит вас Бог.

— И вам того же.

— Расскажите нам про убийства, — сказал Агравейн. — Про убийства и про воронов, что

выклевывают глаза.

— Нет-нет, — закричал Гарет. — Лучше про таинственную девушку, которая вышла замуж за человека, потому что он украл у великана волшебного скакуна.

— Господь да прославится, — молвил Святой Тойрделбах. — Так вы, стало быть, желаете, чтоб история была загадочная.

— Да вы расскажите нам, какую хотите, Святой Тойрделбах.

— Расскажите нам про Ирландию.

— Расскажите про Королеву Меб, которая пожелала быка.

— Или спляшите одну из джиг.

— Господь да смилостивится над бедными вашими головушками — выдумают ведь, чтобы святой им джигу плясал!

Четверо представителей правящего класса уселись кто куда, — в хибарке имелись только две табуретки, — ив предвкушающем молчании уставились на святого.

— Так вам, значит, потребна история с моралью?

— Нет-нет. С моралью не надо. Нам бы такую, чтобы в ней было про драку. Давайте, Святой Тойрделбах, расскажите, как вы проломили епи-

скопу голову.

Святой отхлебнул добрый глоток виски и сплюнул в огонь.

— Жил да был когда-то король, — сказал Святой Тойрделбах, — а звали его, как бы вы думали? — звали его Король Конор Мак Несса. Здоровенный был, что твой кит, и жил он со своими родичами в месте, называемом Королевская Тара. До того незадолго отправился тот король биться против этих проклятых О'Хара, и подстрелили его в сшибке волшебною пулей. А надо вам знать, что древние герои делали себе пули из мозгов своих супостатов, — каковые они раскатывали ладонями в маленькие шарики и выкладывали сушиться на солнышко. Я-то, знаете ли, полагаю, что они ими стреляли из аркебузы, ну вот как стреляют из рогатки, а то еще из арбалета. Ну да как бы они ни стреляли, но старому Королю прострелили одной из этих самых пулек висок, а она возьми и прилепись прямо к черепу да еще в самом важном месте. «Конченый я человек», — говорит тут Король, и призывает он Судий Ирландских, дабы держать с ними совет насчет разных тонкостей акушерства. Первый судия и говорит: «Ты, Король Конор, все одно как мертвец. Пуля сидит у тебя в мозговой доле». Так говорят

все медицинские жантильмены, и нет у них уважения ни к человеку, ни к его убеждениям. «Ах, да что же это такое? — восклицает Король Ирландии. — Это ж выходит явственно злая судьба, ежели человеку нельзя чуть-чуть посражаться без того, чтобы не наступило скончание всем его дням». — «Неча болтать-то попусту, — отвечают хирурги. — Кое-чего еще сделать можно, а вот именно, что должно тебе воздержаться от всех неестественных возбуждений отныне и вовек. Да заодно уж, — они говорят, — надлежит тебе воздержаться и от естественных возбуждений тоже, потому как иначе пуля причинит тебе прободение, прободение приведет к истечению, а истечение — к воспалению, отчего и случится полное прекращение совершенно всех твоих жизненных функций. Это единственная твоя надежда, Король Конор, а нет — так лежать тебе всенепременно в земле, и будут тебя угрызать раскаянье и червяки». Да, разрази меня Господь, хорошенькое, можете себе представить, вышло состояние дел. Сидит это бедный Конор в крепости и ни тебе посмеяться, ни посражаться, ни крепкой водички в рот не берет и даже на красных девиц не глядит совсем, чтобы ему мозги не разорвало. А пуля, значит, торчит у него из виска,

половинка внутри, половинка снаружи, и так он и жил с того дня и вовек — в печали.

— Ура докторам, — сказала Матушка Морлан. — Вот же хитры, окаянные!

— И что с ним случилось потом? — спросил Гавейн. — Долго он прожил в той темной комнате?

— Что с ним случилось? Я как раз к этому и подхожу. Как-то раз ударила буря, и стены замка дрожали, как долгие сети, и немалая часть крепостной стены у них завалилась. Худшей бури в тех местах никто и припомнить не мог, и Король Конор выскочил под открытое небо — испросить у кого-нибудь совета. И нашел он одного из своих судий стоящим снаружи и спросил его, что же это такое творится. А тот судия был человек ученый и все обсказал Королю Конору. И рассказал он ему, что в этот день в оное время наш Спаситель был повешен в Еврее на дереве, и какая от того разыгралась буря, и говорил он Королю Конору о Божьем Завете. И тогда, что бы вы думали, Король Конор Ирландский в правом гневе помчался назад во дворец, дабы сыскать свой меч, и выбежал с ним в самую бурю защищать своего Спасителя, — да так вот и умер.

— Умер?

— Да.

— Ну и ну!

— Какая красивая смерть, — сказал Гарет. — Ему-то она мало добра принесла, но все равно в ней было величие!

Агравейн сказал:

— Если бы доктора велели мне соблюдать осторожность, я бы не стал кипятиться из-за ерунды, а сначала подумал, что из этого может выйти.

— Но ведь это был рыцарский поступок?

Гавейн начал сучить ногами.

— Глупый поступок, — сказал он наконец. — Никакого добра из него не вышло.

— Но ведь он же хотел, чтобы вышло добро.

— Он не для своей семьи старался, — сказал Гавейн. — И вообще я не понимаю, с чего он так разошелся.

— Как же не для семьи? Он старался для Бога, а Бог для всякого человека и есть семья. Король Конор вышел биться за правое дело и отдал за него жизнь.

Агравейн нетерпеливо ерзал седалищем по мягкой порыжелой торфяной золе. Гарет казался ему дурачком.

— Расскажите нам историю, — сказал он, чтобы переменить тему, — про то, как были сотворены свиньи.

— Или про великого Конана, — сказал Гавейн, — как его приколдовали к креслу. Как он прилип к нему и его нипочем не могли с него снять. И тогда они потянули изо всей силы и оторвали его, и им пришлось пересадить ему на зад кусок кожи, — а кожа оказалась баранья, и с тех пор фении носят чулки из той шерсти, что отросла на Конане!

— Нет, не надо, — сказал Гарет. — Довольно историй. Давайте, мои герои, сядем и побеседуем с разумением о серьезных вещах. Поговорим о нашем отце, который отправился воевать.

Святой Тойрделбах сделал изрядный глоток виски и сплюнул в огонь.

— Война — дело важное, — отметил он тоном человека, предающегося воспоминаниям. — Было время, я частенько хаживал на войну, — пока меня не причислили к лику святых. Да только устал я от войн.

Гавейн сказал:

— Не понимаю, как это люди устают от войн. Я бы ни за что не устал. В конце концов, это же самое что ни на есть занятие для джентльмена. Я хочу сказать, это все равно как устать от охоты или от соколов.

— Война, — сказал Тойрделбах, — вещь знат-

ная, если ее не слишком уж много. А когда то и дело сражаешься — как узнать, за что вообще идет драка? Бывали в Старой Ирландии хорошие войны, так они там бились из-за быка или еще из-за чего, и каждый мужчина с самого начала вкладывал в это дело всю душу.

— А почему вы устали от войн?

— Да уж больно много народу я положил. Кому же охота губить смертные души незнамо за что, а то и вовсе ни за что ни про что? По мне так лучше, когда выходят биться один на один.

— Ну, это эвон когда было.

— Да, — сокрушенно сказал святой. — Вот хоть те пули, про которые я вам толковал, — немного было бы проку от этих мозгов, кабы их добывали не в поединке. Потому в них и сила была.

— Я склонен согласиться с Тойрделбахом, — сказал Гарет. — В конце концов, что хорошего — убивать бедных мужланов, которые ничего толком не понимают? Куда правильнее для людей, если они прогневались, биться друг с другом — рыцарь против рыцаря.

— Так ведь тогда и войн не будет, — воскликнул Гахерис.

— Это уже выйдет полная нелепица, — сказал Гавейн. — Для войны нужны люди, куча людей.

— А иначе убивать будет некого, — пояснил Агравейн.

Святой налил себе новую порцию виски, пропел под нос «Самогонка, милый друг, дай те Бог удачи» и взглянул на Матушку Морлан. Он чувствовал, что на него, быть может, вследствие выпитого, накатывает новая ересь, как-то там связанная с безбрачием клира. У него уже имелась одна насчет формы его тонзуры, еще одна, обычная, касательно пасхальной даты, и, разумеется, вся эта пелагианская история, — однако эта, последняя, порождала в нем ощущение, что детям здесь делать нечего.

— Войны, — сказал он с отвращением. — И с какой это стати, скажите, пожалуйста, детишки вроде вас рассуждают о войнах? Вы и ростом-то не выше сидящей наседки. Убирайтесь отсель, пока во мне не народилось к вам нехорошее чувство.

Святые, и Древнему Народу это было отлично известно, не принадлежали к числу людей, с которыми стоило препираться, а потому дети поспешно встали.

— Ну, что вы, — сказали они. — Ваша Святость, мы вовсе не намеревались кого-то обидеть. Мы лишь хотели обменяться идеями.

— Идеями! — воскликнул он, потянувшись за

кочергой, — и они, как по мановению ока, проскочили сквозь низкую дверь и стояли теперь под пологими солнечными лучами на песчанистой улице, а в темной комнате за ними громыхали анафемы или что-то очень на них похожее.

На улице пара поеденных молью ослов искала травинки в трещинах каменной стены. Ослов стреножили, так что им с трудом удавалось ковылять, да и копыта у них выросли чрезмерно большие, походившие на бараньи рога или на загнутые коньки. Мальчики тут же их и реквизировали, ибо едва они завидели животных, как в головах у них моментально явилась новая мысль и уже во всей амуниции. Довольно им слушать истории и рассуждать о военных материях, а лучше отправиться на ослах в небольшую гавань за дюнами, — вдруг мужчины, в плетеных яликах выходившие в море, окажутся нынче с уловом. И ослы пригодятся, будет на ком рыбу везти.

Гавейн с Гаретом по очереди ехали на толстом осле — один его стегал, а другой сидел на голой спине. Осел временами подскакивал, но рысью идти не желал. Аггравейн с Гахерисом вдвоем взобрались на тощего, причем первый уселся лицом к крупу, по которому и лупил безжалостно толстым корневищем морской травы. И все норовил

заехать под хвост, чтобы уязвить побольнее.

Когда они добрались до моря, вид у них был странноватый, — тощие дети, с острыми носами, на кончиках которых у каждого висело по капле, с костлявыми запястьями, переросшими рукава, и ослы, лениво семенившие кругами, подпрыгивая порой, когда в их серые туши впивалась корявая погонялка. Зрелище было странное по причине их коловращения, сосредоточенности на неподвижной идее. Они могли бы составить отдельную солнечную систему в совершенно пустом пространстве, столь неуклонные круги описывали они по дюнам и по жесткой траве заливчика. Хотя, кто знает, может быть и у планет имеется в головах пара-другая идей.

Идея, владевшая мальчиками, состояла в том, чтобы сделать ослам побольнее. Никто не сказал им ни разу, что это жестоко, но, с другой стороны, и ослам об этом никто не сказал. Родившиеся на краю света, они знали о жестокости слишком много, чтобы ей удивляться. И потому в этом маленьком цирке царило согласие, — животные отказывались двигаться, а детей переполняла решимость сдвинуть их с места, и обе стороны соединяла общая цепь, цепь физической боли, с которой обе они согласились, не задавая во-

просов. Сама же боль настолько вписывалась в порядок вещей, что ее словно и не существовало, она выносилась за скобки. Животные вроде бы и не мучались, а дети вроде бы и не наслаждались их муками. Всей-то разницы было меж ними, что мальчики находились в бурном движении, а ослы оставались, сколько могли, неподвижными.

Вот в эту-то райскую сцену и за миг до того, как воспоминания о хижине Матушки Морлан растаяли в сознании детей, вплыла по водам волшебная барка, обтянутая белой венецианской парчой, таинственная, чудесная, и пока киль ее резал волны, она сама собою играла некую музыку. В барке находились три рыцаря и измученная морской болезнью ищейная сука. Чего-либо менее отвечающего традициям гаэльского мира невозможно было бы и представить.

— Послушайте, — произнес голос одного из рыцарей в барке, пока они еще плыли вдали, — вон там замок, верно ведь, что? Послушайте, он довольно красивый!

— Друг вы мой милый, перестаньте раскачивать лодку, — сказал второй рыцарь, — не то вы нас вывалите в воду.

От этого выговора воодушевление Короля Пел-

линора иссякло, и он залился слезами, совсем напугав и без того окаменевших детишек. Его рыдания доносились до них, мешаясь с плеском волн и музыкой барки, подплывавшей все ближе.

— Ах, море! — говорил он. — Лучше бы мне утонуть в твоих водах, что? Лучше бы пять морских саженей воды влились в меня, да так оно скоро и будет. Печаль, о, какая печаль!

— Что толку кричать «причаль», старина? Эта штука когда захочет, тогда и причалит. Она же волшебная.

— Я не говорил «причаль», — сварливо ответил Король. — Я говорил «печаль».

— Ну, и нет тут никакого причала.

— А мне все равно, есть тут причал или нет. Я сказал не «причал», а «печаль»!

— Хорошо, будь по-вашему, «причаль» так «причаль».

И в этот миг волшебная барка причалила — в точности там, где приставали обычно ивовые челноки. Три рыцаря вышли на берег, и оказалось, что у третьего черная кожа. То был просвещенный язычник по имени сэр Паломид,

— Удачно причалили, — сказал сэр Паломид, — ей-богу!

Люди сходились отовсюду, безмолвно, неуверенно. Подойдя поближе к рыцарям, они замедляли поступь, но вдалеке кое-кто даже бежал. Мужчины, женщины, дети скатывались с дюн или с замкового холма лишь для того, чтобы, подобравшись поближе, перейти на крадущийся шаг. На расстоянии в двадцать ярдов они и вовсе застывали. Вставши кругом, они немо глазели на новоприбывших, напоминая людей, разглядывающих картины в галерее Уфицци. Они изучали их. Спешить теперь было некуда, необходимость перебегать к новой картине отсутствовала. Собственно говоря, отсутствовали и сами новые картины — отсутствовали с тех пор, как родились эти люди, ничего, кроме привычных в Лоутеане сцен, не видавшие. Взгляды их не то чтобы содержали в себе нечто оскорбительное, но и дружелюбия в них не обозначалось. Картины ведь и существуют для того, чтобы их разглядывать. Разглядывание начиналось с ног, тем более что на чужаках было заморское платье, а именно рыцарские доспехи, и имело целью усвоить материал, устройство, способ крепления и, может быть, цену их поножей. Затем взгляд перебирался к наголенникам, оттуда — к набедренникам и далее по восходящей. Чтобы добраться до лица,

которое осматривалось последним, требовалось не менее получаса.

Гаэлы, разъявив рты, стояли вкруг галлов, а в отдалении деревенские дети выкрикивали новость, и Матушка Морлан скакала, подобрав юбки, и, словно безумные, неслись по морю к берегу плетеные ялики. Молодые князьки Лоутеана, как зачарованные, слезли с ослов и присоединились к кругу. Круг начал сжиматься к центру, сдвигаясь так же медленно и молчаливо, как движется в часах минутная стрелка, тишину нарушали лишь приглушенные вскрики запоздавших, да и те умолкали, едва запоздавшие сливались с толпой. Круг сжимался потому, что всем хотелось притронуться к рыцарям, — не теперь, не через полчаса или около, не до того, как завершится осмотр, быть может, и никогда. А все же хотелось бы их потрогать, отчасти, чтобы увериться в их реальности, отчасти — чтобы прикинуть полную стоимость их облачения. И пока она прикидывалась, события потекли по трем направлениям: Матушка Морлан и прочие старухи принялись, перебирая четки, читать молитвы, женщины помоложе стали щипать друг дружку и хихикать, а мужчины, из уважения к молитве стянувшие свои колпаки, начали по-гаэльски обмениваться

замечаниями вроде: «Ты посмотри на этого черного, да встанет Господь между нами и всяческой порчей» или «А на ночь-то они раздеваются, и как они вообще снимают с себя эти железные котлы?, — и в сознании как мужчин, так и женщин, безотносительно к возрасту и жизненным обстоятельствам, стал почти осязаемо, почти что видимо сгущаться чудовищный и безотчетный миазм, каковой и является основною особенностью всякого гаэльского разума.

«Вот они рыцари-англичане, „сассенахи“, стало быть, — думали гаэлы, — это и по оружию видно, а раз так, значит, они — рыцари того самого Короля Артура, против которого вторично взбунтовался собственный их король. Может, они заявились сюда — с всегдашним коварством сассенахов, — чтобы ударить Королю Лоту в спину? Может, они пришли как посланцы феодального властителя — властителя всех земель — оценить тутошнее имущество для обложения новым налогом? Может, они вообще из Пятой Колонны? Хотя, наверное, все гораздо сложнее, — ведь не такие же сассенахи простачки, чтобы явиться сюда в сассенахской одежде, — может, они вовсе и не посланцы Короля Артура? Может, они только переоделись сами в себя с какой-то целью, до

того уж коварной, что в нее и поверить нельзя? В чем тут подвох-то, а? Всегда и во всем хоть один да сыщется».

Люди, стоявшие кругом, смыкались, челюсти их все отвисали, корявые тела все горбились, начиная уже походить на кули да пугала, ото-всюду посверкивали маленькие глазки, полные бездонной проницательности, между тем как их лица приобретали выражение тупого упорства, становясь еще даже более неосмысленными, чем всегда.

Рыцари сдвинулись потеснее, под защиту друг друга. По правде сказать, они и не знали, что Англия воюет с Оркнеем. Они участвовали в одном приключении, державшем их в стороне от новейших известий. А в Оркнее навряд ли отыскался бы человек, которому захотелось бы их просвещать.

— Вы пока не смотрите в ту сторону, — сказал Король Пеллинор, — но там какие-то люди. Как, по-вашему, с ними все в порядке?

6

В Карлионе все было вверх дном, — шли приготовления ко второй кампании. Мерлин придумал, как ее выиграть, но поскольку его предложения подразумевали устройство засад и тайную помощь из-за рубежа, их приходилось держать в секрете. Медленно надвигавшаяся армия Лота настолько превосходила численностью королевское войско, что поневоле приходилось прибегать к стратегическим хитростям. План битвы оставался тайной, известной лишь четверым.

У рядовых же граждан, не ведающих о высокой политике, дел было по горло. Надлежало доостра заточить пики, и потому по всему городу день и ночь скрежетали точильные камни; следовало оперить тысячи стрел, и потому в домах лучников свет не гас круглые сутки, а по всем выгонам возбужденные йомены, имевшие нужду в перьях, гоняли несчастных гусей. Королевские павлины разгуливали голышом, похожие на старую подметальную щетку, — большинство первоклассных стрелков норовило заполучить

то, что Чосер называет павлиньей стрелой, ибо в ней было больше шика, — и запах кипящего клея восходил к небесам. Оружейники, работая по две смены, дабы довести рыцарей до полного блеска, музыкально звенели молотками, кузнецы подковывали боевых коней, а монахини безостановочно вязали шарфы для солдат или готовили перевязочный материал, — то, что они именовали «тампонами». Король Лот уже назвал место встречи двух армий, у Бедегрейна.

Король Англии с трудом одолел двести восемь ступенек, ведших к башенной комнате Мерлина, и постучал в дверь. Волшебник был у себя вместе с Архимедом, сидевшим на спинке его кресла и пытавшимся отыскать корень квадратный из минус единицы. Он позабыл, как это делается.

— Мерлин, — задыхаясь сказал Король, — мне нужно поговорить с тобой.

Мерлин гневно захлопнул книгу, вскочил на ноги, ухватил свою палочку из дерева жизни и налетел на Артура, как на цыпленка, которого следовало загнать обратно в курятник.

— Убирайся отсюда! — завопил он. — Ты что здесь делаешь? Как тебе в голову такое взбрело? Ты Король Англии или не Король? А ну, пошел из моей комнаты! Неслыханное дело! Немедленно

вон и пришли за мной кого-нибудь!

— Да ведь я уже здесь.

— Ошибаешься! — находчиво ответил старик, вытолкал Короля из двери и захлопнул ее прямо перед его носом.

— Ну ладно! — сказал Артур и печально спустился по двумстам восьми ступеням.

Час спустя Мерлин явился в Королевскую Палату в ответ на вызов, переданный с пажом.

— Вот так-то лучше, — сказал он, с удобством усаживаясь на покрытый ковром сундук.

— Встань, — сказал Артур и хлопнул в ладоши, чтобы паж унес сиденье.

Мерлин, кипя от негодования, встал. Костяшки его стиснутых кулаков побелели.

— Так вот, по поводу того разговора о рыцарстве, — непринужденно начал Король.

— Не помню никакого разговора.

— Нет?

— В жизни меня так не оскорбляли!

— Так ведь я же Король, — сказал Артур. — Разве ты можешь сидеть в присутствии Короля?

— Чушь!

Артур захохотал не вполне подобающим образом, а его сводный брат, сэр Кэй, и старый опекун, сэр Эктор, вылезли из-за трона, позади которого

они прятались. Сэр Кэй снял с Мерлина шляпу и водрузил ее на сэра Эктора, и сэр Эктор сказал:

— Ну, благослови Господь мою душу, я теперь нигромант. Фокус-Покус.

Тут уже все рассмеялись, и немного погодя к ним присоединился и Мерлин, и послали за стульями, дабы можно было присесть, и откупорили бутылки с вином, дабы не вести беседы всухую.

— Видишь, — с гордостью сказал Артур, — я созвал совет.

Наступило недолгое молчание, ибо Артур впервые произносил речь и хотел собраться с мыслями.

— Так вот, — сказал Король, — касательно рыцарства. Я хочу поговорить о нем.

Мерлин мгновенно насторожился и уставился на Короля пронзительным взглядом. Пальцы его завились в узлы между звезд и таинственных знаков мантии, но он не пришел говорившему на помощь. Пожалуй, можно сказать, что этот миг был важнейшим в его карьере, — ради этого мига он прожил вспять Бог ведает сколько столетий, и теперь ему предстояло точно узнать, не прожил ли он их напрасно.

— Я все размышлял, — сказал Артур, — о Силе и Праве. Мне не кажется, что какие-то вещи

должны делаться лишь потому, что ты *можешь* их сделать. Мне кажется, что делать их следует потому, что ты *должен* их сделать. В конце концов, грош грошом и останется, с какой бы силой не давили мы на него с любой из сторон, пытаясь доказать, что он грош или что он — не грош. Это понятно?

Никто не ответил.

— Ну вот, как-то раз мы с Мерлином беседовали на крепостной стене, и он сказал, что последняя наша битва, — в которой погибло семьсот крестьян-пехотинцев, — не такая уж и веселая штука, как мне представлялось. Конечно, если вдуматься, ничего занятного в сражениях нет. Я хочу сказать, что людей убивать вообще не следует, ведь так? Пусть лучше живут. Хорошо. Однако занятно другое — занятно, что Мерлин помогал мне побеждать в сражениях. Он помогает мне и сейчас, и мы вместе надеемся победить в сражении при Бедегрейне, когда до него дойдет дело.

— И победим, — сказал сэр Эктор, посвященный в тайну.

— Мне это кажется непоследовательным. Почему он помогает мне выигрывать войны, если война — такое дурное дело?

Ответа ни от кого не последовало, и Король

заговорил с большим волнением.

— Единственное, до чего я сумел додуматься, — сказал он, заливаясь румянцем, — это что я… что мы… что он… что он желал моей победы по какой-то причине.

Он остановился и взглянул на Мерлина. Мерлин отвернулся.

— И причина была в том, если я прав, — причина была в том, что если я, победив в этих двух битвах, смогу стать хозяином в моем королевстве, то я в дальнейшем сумею предотвратить сражения и как-то справиться с Силой. Я догадался? Правильно?

Волшебник не повернул головы, и руки его мирно лежали у него на коленях.

— Правильно! — воскликнул Артур.

И он заговорил так скоро, что едва сам поспевал за собой.

— Понимаете, — говорил он, — Сильный не Прав. Но Сила, и немалая, бродит по свету и с этим нужно что-то сделать. Это все равно как если бы Человек был наполовину добр и наполовину ужасен. Может быть, люди ужасны и больше, чем наполовину, и, когда их предоставляют самим себе, они просто дичают. Возьмите теперешнего рядового барона, человека вроде сэра Брюса Без-

жалостного, который разъезжает по всей стране закованный в сталь и ради спортивного удовольствия делает, что ему заблагорассудится. Это олицетворение нашей норманнской идеи о том, что высшие классы обладают исключительным правом на власть, и никакое правосудие их не касается. Вот так начинает преобладать ужасная сторона человека, и возникают воровство, насилие, пытки. Люди обращаются в зверей.

— Однако Мерлин, как видите, помогает мне выиграть две моих битвы, чтобы я мог это прекратить. Он хочет, чтобы я навел порядок.

Лот, Уриенс и Ангвис, и все остальные, — они принадлежат старому миру, они из тех, кто желает потакать своим прихотям. Мне придется расправиться с ними собственным их оружием, они навязали мне это оружие, потому что сила — главный мотив их жизни, и лишь после этого начнется настоящая работа. Понимаете, битва при Бедегрейне — это только предварительный шаг. Мерлин же хотел, чтобы я задумался о том, что будет *после* нее.

Артур снова умолк, ожидая замечаний или ободрений, но лицо чародея оставалось повернутым в сторону, и только сэр Эктор, сидевший с ним рядом, мог видеть его глаза.

— И вот до чего я додумался, — сказал Артур. — Почему бы не впрячь Силу — так, чтобы она служила Правоте? Я понимаю, что звучит это глупо, но я хочу сказать, что нельзя же делать вид, что Силы не существует. Она существует, в дурной половине человека, и пренебрегать ею невозможно. Ее нельзя просто отсечь, но, может быть, ее удастся направить — понимаете? — так, чтобы от нее была польза, а не вред.

Слушатели заинтересовались. Все они, за исключением Мерлина, наклонились вперед и слушали.

— Мысль моя в том, что если мы победим в предстоящем сражении и утвердимся в стране, то я образую своего рода рыцарский орден. Я не стану карать дурных рыцарей, не повешу Лота, я постараюсь вовлечь их в наш орден. Понимаете, надо так все устроить, чтобы это стало великой честью, вошло в моду и так далее. Чтобы всякому хотелось в него попасть. И затем я напишу клятву ордена, согласно которой Сила должна применяться лишь ради правого дела. Это ясно? Рыцари моего ордена будут странствовать по всему свету, по-прежнему облаченные в сталь и размахивающие мечами, — это даст отдушину для потребности рубиться — пони-

маете? — для того, что Мерлин называет духом лисьей охоты, — но они будут обязаны разить, лишь сражаясь за доброе дело: защищать от сэра Брюса девиц, исправлять сотворенное некогда зло, помогать угнетенным и тому подобное. Вам эта мысль понятна? Это позволит использовать Силу вместо того, чтобы сражаться с ней, позволит зло обратить в добро. Вот, Мерлин, это все, что я смог придумать. Я думал очень старательно и, скорее всего, надумал что-то не то, как обычно. Но я думал. И ничего лучше этого выдумать не смогу. Прошу тебя, скажи же хоть что-нибудь.

Волшебник поднялся, выпрямился, словно столб, раскинул в стороны руки, уставил глаза в потолок и произнес первые несколько слов из «Ныне Отпущаеши».

7

Ситуация в Дунлоутеане сложилась запутанная. Практически любая ситуация, к которой имел касательство Король Пеллинор, становилась таковой, даже на самом что ни на есть диком севере. Прежде всего, он был влюблен, — потому он и плакал в барке. Это он объяснил Королеве Моргаузе при первой возможности — дело было не в морской болезни, а в любовной.

Случилось же с ним следующее. За несколько месяцев до того Король охотился на Искомого Зверя на южном побережье Страны Волшебства, как вдруг эта зверюга бросилась в море. Она уплывала, и змеиная голова ее рассекала водную гладь, подобно головке ужа, и Король окликнул проплывавший мимо корабль, имевший такой вид, словно он отправлялся на завоевание Гроба Господня. На корабле обнаружились сэр Груммор и сэр Паломид, каковые по доброте душевной повернули судно и пустились преследовать Зверя. Втроем они достигли берегов Фландрии, где Зверь сгинул в лесу, и там-то, пока они отдыхали в гостеприимном замке, Пеллинор влюбился в

дочь Королевы Фландрии. До поры до времени все складывалось отлично, — ибо избранницей Пеллинора оказалась особа средних лет, решительная, верная сердцем, умевшая стряпать, прекрасно ездить верхом и стелить постель, — однако надежды обеих сторон были сокрушены в самом начале появлением волшебной барки. Трое рыцарей взошли на нее и уселись, — посмотреть, что будет дальше, — поскольку не должно рыцарям уклоняться от приключения. Барка же сама по себе поспешно отчалила от берега, оставив дочь Королевы Фландрии в тревоге размахивать носовым платком. А перед тем как берегу вовсе скрыться из глаз, из лесу высунулась морда Искомого Зверя, имевшая выражение, насколько можно было различить на таком расстоянии, еще более удивленное, нежели у королевны. После этого они все плыли и плыли, пока не приплыли на Внешние Острова, и чем дальше они уплывали, тем пуще болезнь любви одолевала Короля, делая его общество совершенно невыносимым. Он проводил все время за писанием стихов и писем, кои невозможно было отправить, или рассказывая своим спутникам о принцессе, в семейном кругу прозванной Свинкой.

Подобное состояние дел еще можно было вы-

терпеть в Англии, где люди вроде Пеллинора временами встречаются и даже почитаются соотечественниками за относительно сносных. Но в Лоутеане и Оркнее, где всякий англичанин — угнетатель, оно приобрело черты почти сверхъестественной невыносимости. Ни единый из островитян не мог понять, с какой именно целью пытается Король Пеллинор их обмишурить, прикидываясь самим собою, а потому было сочтено и мудрым, и безопасным не посвящать приезжих рыцарей в подробности, относящиеся к войне с Артуром. Лучше подождать, пока не удастся проникнуть в их замыслы.

А сверх всего этого возникло еще одно осложнение, особенно расстроившее детей. Королева Моргауза принялась вешаться приезжим на шею.

— Чем это матушка занималась с рыцарями на горе? — поинтересовался Гавейн как-то утром, когда они направлялись к келье Святого Тойрделбаха.

После долгого молчания Гахерис с некоторым затруднением ответил:

— Они там охотились на единорога.

— А как на него охотятся?

— Приманивают на девицу.

— Наша матушка, — сказал Агравейн, также знавший подробности, — отправилась охотиться на единорога, а для рыцарей она — все равно что девица.

— А вы-то откуда все знаете? — спросил Гавейн.

— Подслушали.

У них имелось обыкновение подслушивать, затаясь на винтовой лестнице, — по временам, когда мать утрачивала к ним интерес.

Гахерис с необычайной для него свободой, ибо мальчик он был молчаливый, пустился в объяснения:

— Сэр Груммор сказал, что любовную грусть Короля можно развеять, если его удастся увлечь старым его занятием. Они беседовали о том, что у Короля был обычай охотиться на Зверя, который теперь потерялся. Вот она и сказала, что можно взамен поохотиться на единорога, и что она готова стать для них девственницей. По-моему, они удивились.

Несколько времени они шагали в молчании, пока Гавейн не произнес, вроде бы даже вопросительно:

— Я слыхал разговоры, что будто бы Король любит женщину, живущую во Фландрии, и что этот

сэр Груммор уже женат? А у сарацина вообще ведь черная кожа?

Никто не ответил.

— Долгая у них вышла охота, — сказал Гарет. — Я слышал, они никого не поймали.

— И рыцарям понравилось играть с нашей матушкой в эту игру?

Отвечать снова пришлось Гахерису. Ему, хоть и молчаливому, наблюдательности было не занимать.

— По-моему, они ничего в ней не поняли.

И они потащились дальше, и каждый молчал, не имея охоты обнаруживать свои мысли.

Келья Святого Тойрделбаха походила на старинный соломенный улей, только размером побольше и сделанный из камня. Окон у нее не имелось, а дверь была только одна, да и через ту приходилось проползать.

— Святой Отец, — закричали мальчики, колотя по неотесанному камню. — Святой Отец, мы пришли послушать историю.

Он был для них подателем пищи духовной — своего рода гуру, каким был для Артура Мерлин, — от него они получили все те начатки культуры, какими им довелось обладать. Когда мать отталкивала их, они бросались к нему,

будто голодные щенки, согласные на любую еду. Именно он научил их читать и писать.

— А, это вы, — сказал святой, просовывая голову в дверь. — Да пошлет вам Господь всякого преуспеяния нынешним утром.

— Да пошлет Он и вам того же.

— Новости есть?

— Нет, — сказал Гавейн, не желая упоминать о единороге.

Святой Тойрделбах испустил тяжкий вздох.

— И у меня тоже, — сказал он.

— Вы не могли бы рассказать нам какую-нибудь историю?

— А ну их, эти истории. Толку-то от них С какой стати стану я, погрязший в ересях, рассказывать вам истории? Вот уж сорок лет, как я не видал порядочного сражения, да и красной девицы тоже, ни одной, за все это время, — какую же историю я вам могу рассказать?

— Вы могли бы рассказать нам историю, в которой нет ни девиц, ни сражений.

— Ну, и что проку в такой истории? — гневно воскликнул он, выбираясь на белый свет.

— Если бы вам удалось посражаться, — сказал Гавейн, оставляя в стороне вопрос о красных девицах, — вы бы, наверное, чувствовали себя

получше.

— То-то и горе! — вскричал Тойрделбах. — И с чего меня понесло в святые, понять не могу! Кабы я мог разок приложить кого-нибудь моей старой палицей, — и он извлек из-под рясы устрашающего вида дубину, — я бы себя чувствовал лучше, чем все святые Ирландии!

— Так расскажите нам про палицу.

Они внимательно разглядывали оружие, пока его святость рассказывал им, что нужно делать, чтобы дубинка получилась на славу. Он объяснял им, что для хорошей дубины годится лишь корневище, потому как обычные ветки норовят обломиться, особенно яблоневые, и как ее нужно смазать свиным перетопленным жиром и потом обернуть во что-нибудь и зарыть в навоз, и держать там, покуда корень не распрямится, и как ее потом полируют, натирая графитом и салом. Он показал им дырку, сквозь которую вовнутрь заливался свинец, и гвозди, торчавшие на конце, и зарубки у рукояти, заменившие скальпы, коими похвалялись древние люди. Затем он уважительно поцеловал ее и с прочувствованным вздохом снова сунул под рясу. Он отчасти ломал комедию, подпустив в свои речи акцента.

— Расскажите про черную руку, вылезавшую

из печной трубы.

— Что-то не лежит у меня душа к этой истории. И вообще, она у меня хоть и не заячья, а все не на месте. Не иначе как порчу на меня напустили.

— Я думаю, — сказал Гарет, — и на нас напустили порчу. Все кажется каким-то неправильным.

— А вот был однажды такой случай с одной женщиной, — начал Тойрделбах. — Был у этой женщины муж, а жили они в Мэлайн Виг. А из детей прижили они только одну маленькую девочку. Вот как-то отправился этот мужчина резать торф на болоте, а как наступило время обедать, эта женщина и послала к нему с едой девчонку. Только отец присел, чтобы поесть, а девочка вдруг как закричит: «Смотри, отец, видишь вон там на горизонте большой корабль? Я могу заставить его пристать прямо здесь, у берега». «Да где тебе, — говорит отец. — Я вон побольше тебя, а и то не могу этого сделать». «Ладно, — говорит девочка, — а вот посмотри на меня». Подошла она к источнику, что был неподалеку, и ну мутить в нем воду. Корабль и пошел прямо к берегу.

— Она была ведьма, — объяснил Гахерис.

— Нет, это ее мать была ведьма, — сказал святой и продолжал свой рассказ.

— «А теперь, — говорит она, — я могу сделать

так, что корабль врежется в берег». А отец и говорит: «Ну уж этого ты не можешь». «Ладно, — говорит девочка, — а вот посмотри на меня». Взяла да и прыгнула в источник. Тут корабль как врежется в берег — и развалился на тысячу кусков. «Кто это тебя учит таким делам?» — спрашивает отец. «Моя мать. Когда ты уходишь работать, она меня дома учит, только мы пользуемся лоханью»,

— А зачем она прыгнула в источник? — спросил Агравейн. — Она, наверное, промокла.

— Чш-ш-ш.

— И вот пришел этот мужчина домой, поставил в угол лопату и сел на свою скамью. И говорит: «Чему это ты учишь девчонку? Не нравится мне жить в одном доме с ворожеями, больше я здесь не останусь». Взял да и ушел, и больше они его никогда не видели. А что с ними дальше сталось, того я не знаю.

— Ужасно, наверное, когда твоя мать колдунья, — сказал Гарет.

— Или когда жена, — добавил Гавейн.

— Еще хуже, когда жены и вовсе нет, — сказал святой и с пугающей внезапностью скрылся в свой улей, словно человечек в швейцарском барометре, который прячется внутрь, если погода ожидается ясная.

Мальчики не удивились и остались сидеть вкруг двери, ожидая, не случится ли чего-нибудь еще. Они размышляли об источниках, колдуньях, единорогах и о материнских повадках.

— Я предлагаю, мои герои, — неожиданно молвил Гарет, — самим отправиться и изловить единорога.

Все уставились на него.

— Это все-таки лучше, чем совсем ничего. Мы не видели нашу маму уже целую неделю.

— Она забыла про нас, — горько сказал Агравейн.

— Это неправда. И не следует тебе так говорить о матушке.

— Это правда. Мы даже за обедом ей не прислуживаем.

— Это оттого, что ей приходится принимать тех рыцарей.

— Нет, не оттого.

— А отчего же тогда?

— Не скажу.

— Если мы сможем добыть ей единорога, который ей нужен, — сказал Гарет, — и принести его к ней, может, нам и позволят прислуживать?

Они обдумали эту идею, и в них зародилась надежда.

— Святой Тойрделбах, — закричали они, — выйдите снова! Мы собираемся ловить единорога.

Святой просунул голову в дырку и с подозрением их оглядел.

— Кто такой единорог? На что они похожи? Как его ловят?

Святой важно покивал и сгинул вторично, но лишь для того, чтобы через несколько мгновений вернуться на четвереньках и с обтянутым кожею томом, единственной мирской книгой, какой он владел. Подобно большинству святых, он зарабатывал себе на жизнь, копируя рукописи и рисуя в них картинки.

— Нам понадобится девица для приманки, — объяснили они святому.

— Да у нас этих девиц куча, — сказал Гарет. — Можно взять любую служанку или стряпуху.

— Они не пойдут.

— Ну, можно взять судомойку. Ее мы сможем заставить.

— И тогда, если мы поймаем единорога, который ей нужен, мы торжественно принесем его домой и отдадим нашей матушке! И будем каждый вечер прислуживать ей за ужином!

— И она будет довольна.

— А может, и после ужина тоже.

— А сэр Груммор посвятит нас в рыцари. Он скажет: «Клянусь святыми мощами, никто никогда еще не совершал столь доблестного подвига!»

Святой Тойрделбах положил драгоценную книгу на траву, что росла рядом с его норой. Трава была вся в песке и в пустых улиточьих домиках, маленьких, желтых, с лиловатыми спиральками. Он раскрыл книгу, — бестиарий, озаглавленный «Liber de Natura Quorundam Animalium», — и оказалось, что на каждой его странице имеется картинка.

Мальчики заставили его побыстрее перелистывать пергаментные страницы чудесной готической рукописи, пропуская чарующих Грифонов, Бонаконов, Кроходилов, Мантикор, Харадров, Симургов, Сирен, Перидиксионов, Драконов и Аспидокалонов. Тщетно пытался привлечь их нетерпеливые взгляды Анталоп, трущийся извилистыми рогами о дерево тамариск, — коего ветви, перевивая ему рога, превращали зверя в легкую добычу для ловца. Тщетно испускал Бонакон газы, желая окоротить охотников. И Перидиксионы, сидевшие по веткам древа, делавшего их неуязвимыми для драконов, так и остались сидеть незамеченными. И Панфир, ароматным дыханием своим завлекающий добычу,

не показался им интересным. И Тигрус, коего легко обморочить, бросив к его ногам стеклянный шар, дабы он, узрев там свое отражение, подумал, что это один из его детенышей, и Лев, что щадит лежачих и пленников, страшится белого петуха и заметает следы свои хвостом, покрытым листвою; и Козерог, способный без вреда для себя спрыгнуть с горы, ибо приземляется он на свои крутые рога; и Ял, умеющий прядать рогами так, словно они — уши; и Медведица, имеющая обыкновение вынашивать своих медвежат в виде комков, каковым она после придает языком такую форму, какая взбредет ей на ум; и птица Харадр — ежели оная сядет, оборотясь к вам лицом, на край вашей кровати, то значит вскорости вам умереть; и Дикобразы, что сбирают для своего потомства виноград, катаясь по оному, и несут домой ягоды на кончиках игл; и даже большая китообразная тварь с семью плавниками и туповатой мордой — Аспидокалон, к которому неосторожный мореплаватель, случалось, приставал, принимая его за остров, даже Аспидокалон задержал их совсем ненадолго. В конце концов Тойрделбах отыскал им единорога, зовомого греками «Носорог».

Оказалось, что единорог столь же робок и быстр, сколь Анталоп, изловить же его возможно только

одним способом. Нужно иметь для приманки девицу, и, когда единорог увидит, что девица одна, он сразу же подойдет, чтобы положить свой рог ей на лоно. В книге была картинка, на которой не весьма достоверного вида девственница, держа одной рукой бедного зверя за рог, другой подзывала каких-то копейщиков. Написанная на ее физиономии неискренность уравновешивалась глупой уверенностью, с какой единорог взирал на девицу.

Едва прочитав наставления и переварив содержанье картинки, Гавейн поспешил на поиски судомойки.

— А ну-ка, — сказал он, — пошли с нами на гору, будем единорога ловить.

— Ох, мастер Гавейн, — вскричала ухваченная им служанка, имя которой было Мэг.

— Да-да, пошли. Будешь у нас приманкой. Он придет и положит рог тебе на колени.

Мэг расплакалась.

— Ну ладно, не дури.

— Ох, мастер Гавейн, не хочу я единорога. Я всегда была честной девушкой, право, и потом у меня еще вон сколько посуды немытой, и если Мистрис Трулав узнает, что я прогуляла, она меня высечет, мастер Гавейн, вот что она сделает.

Мастер Гавейн взял ее покрепче за косу и вывел из кухни.

На чистом и влажном ветру, обдувающем вершину горы, они обсудили детали предстоящей охоты. Мэг, так и не переставшую плакать, держали за волосы, чтобы она не сбежала, и время от времени один из мальчишек передавал ее другому, если тому, кто держал ее, требовались для жестикуляции обе руки.

— Так вот, — говорил Гавейн. — Я буду командиром. Я самый старший, значит, мне и командовать.

— Я так и думал, — сказал Гарет.

— Вопрос вот в чем. В книге сказано, что приманку надо оставить одну.

— Она удерет.

— Ты удерешь, Мэг?

— Да, мастер Гавейн, конечно.

— Ну вот.

— Тогда ее надо связать.

— Ох, мастер Гахерис, как вам будет угодно, только зачем же меня вязать?

— Закрой рот. Ты всего лишь девчонка.

— Чем же мы ее свяжем? У нас и нет ничего.

— Я ваш командир, мои герои, и я приказываю, чтобы Гарет сбегал домой и принес каких-нибудь

веревок.

— Не стану я этого делать.

— Но ты же все испортишь, если не сделаешь этого.

— Не понимаю, почему именно я. Вот так я и думал.

— Тогда я приказываю, чтобы наш Агравейн сходил за веревками.

— Только не я.

— Тогда пусть Гахерис.

— Не пойду.

— Мэг, противная девчонка, ты не должна убегать, поняла?

— Да, мастер Гавейн, только, ох, мастер Гавейн…

— Если найти крепкий вересковый корень, — сказал Агравейн, — можно будет обвязать вокруг него ее косы.

— Так и сделаем.

— Ох, ох!

После того как девственница была надежно привязана, четверо мальчиков обступили ее, обсуждая следующий шаг. Они спроворили в оружейной настоящие пики, с какими ходят на вепря, так что с оружием все у них было в порядке.

— Эта девица, — сказал Агравейн, — моя мать. Она делает то же, что вчера делала мамочка. А я буду сэром Груммором.

— А я Пеллинором.

— Агравейн, если ему охота, может быть сэром Груммором, но приманку нужно оставить одну. Так сказано в книге.

— Ох, мастер Гавейн, ох, мастер Агравейн!

— Хватит выть. Спугнешь единорога.

— А нам после этого нужно уйти и спрятаться. Вот почему наша мама его не поймала, — потому что с ней оставались рыцари.

— Я буду Финн Мак Куил.

— А я — сэр Паломид.

— Ох, мастер Гавейн, умоляю, не оставляйте меня одну.

— Перестань ты вопить, — сказал Гавейн. — Ты дура. Гордиться надо, что тебя взяли в приманки. Вчера приманкой была наша матушка.

Гарет сказал:

— Ну что ты, Мэг, не плачь. Мы не позволим ему поранить тебя.

— В конце концов, он может тебя всего только убить, — жестоко сказал Агравейн.

От этого несчастная девочка разревелась еще сильнее.

— Зачем ты это сказал? — сердито спросил Гавейн. — Вечно ты пугаешь людей. Теперь она завывает громче прежнего.

— Послушай, — сказал Гарет. — Послушай, Мэг. Мэг, бедняжка, не плачь. Когда мы вернемся домой, я обязательно дам тебе пострелять немного из моей катапульты.

— Ох, мастер Гарет!

— Ах, да пошли, наконец. Не можем мы с ней возиться

— Ну, будет, будет.

— Ох, ох!

— Мэг, — сказал Гавейн и скорчил страшную рожу, — если ты не престанешь визжать, я на тебя вот так посмотрю.

Слезы мгновенно высохли.

— Ну вот, — сказал Гавейн, — как только придет единорог, мы тут же выскочим и проткнем его. Ты поняла?

— А обязательно его убивать?

— Да, непременно.

— Понимаю.

— Я надеюсь, ему не будет больно, — сказал Гарет.

— Одна из твоих дурацких надежд, — сказал Агравейн.

— Я все-таки не понимаю, зачем его убивать.

— Чтобы оттащить его домой, к матери, остолоп.

— Разве мы не можем поймать его, — спросил Гарет, — и отвести к матери живьем, как, по-твоему? Я хочу сказать, что можно заставить Мэг вести его, если он смирный.

С этим Гавейн и Гахерис согласились.

— Если он смирный, — сказали они, — лучше привести его живого. Это самый лучший способ охоты на крупного зверя.

— А мы станем его подгонять, — сказал Агравейн — Можно будет лупить его палками.

— Да и Мэг заодно, — прибавил он, подумав. После этого они удалились в засаду, решившись хранить молчание. Ничего не было слышно, кроме нежного ветра, пчел в вереске и жаворонка высоко в небесах. Да еще иногда долетало шмыганье Мэг.

Когда единорог появился, все сложилось не так, как они ожидали. Прежде всего он был благороднейшим из животных, вместилищем красоты, зачаровывающей всех, кто его видел.

Единорог был бел, с серебряными копытцами и жемчужным рогом. Он изящно ступал по вереску, казалось, почти не приминая его, столь

легка была поступь, и ветер волнами бежал по его долгой гриве, только-только расчесанной. Самым чудесным в нем оказались глаза. По сторонам носа чуть синеватые складки взбегали к глазницам, погружая их в меланхоличную тень. Глаза, окруженные этой прекрасной и грустной тьмой, были столь печальны, нежны, одиноки и благородно трагичны, что при виде их всякое чувство, кроме любви, умирало.

Единорог поднялся к месту, на котором сидела Мэг-судомойка, и склонил перед нею главу. Он грациозно выгнул шею, так что жемчужный рог указывал в землю у ее ног, и приветствуя Мэг, легко поскреб серебряным копытцем вереск. Мэг забыла о слезах. Сделав королевский приветственный жест, она протянула к животному руку.

— Приблизься, единорог, — сказала она. — И если желаешь, положи мне на лоно свой рог.

Единорог легонько заржал и снова поскреб землю копытом. Затем, очень осторожно, он опустился сначала на одно колено, потом на другое, пока не оказался склоненным пред нею. Застыв в этой позе, он посмотрел на нее снизу вверх своими тающими глазами и наконец опустил ей на колени голову. Он искательно глядел на нее

и терся белой, плоской щекой о гладкую ткань ее платья. Глаза его закатились, показав ослепительные белки. Застенчиво опустив на землю круп, он улегся и лежал совершенно спокойно, глядя вверх на ее лицо. Из глаз его струилось доверие, он чуть приподнял переднюю ногу, словно желая ударить в землю копытом. То было лишь легкое движение воздуха, сказавшее: «Теперь удели мне внимание. Подари мне любовь. Пожалуйста, погладь мою гриву, ладно?»

Агравейн, сидевший в засаде, издал какой-то сдавленный сип и через миг уже мчался к единорогу, сжимая в руках отточенную кабанью пику. Прочие мальчики, сидя на корточках, вытянули шеи и следили за ним.

Добежав до единорога, Агравейн принялся колоть его пикой, спереди, сзади, в живот, под ребра. Он колол и визжал, а единорог с мукой смотрел на Мэг. Она казалась заколдованной, неспособной двинуть рукой. Видимо, и единорог не мог пошевелиться из-за ладони, мягко сжимавшей его рог. Кровь из ран, нанесенных пикою Агравейна, струилась по иссиня-белому ворсу шкуры.

Гарет припустился бегом, следом за ним Гавейн. Последним бежал Гахерис, глупый, не знающий,

что предпринять.

— Стой! — кричал Гарет. — Отпусти его! Стой! Стой!

Гавейн подоспел первым как раз в то мгновение, когда пика Агравейна вошла в единорога под пятым ребром. Зверь содрогнулся. Трепет прошел по всему его телу, он далеко вытянул задние ноги. Они почти выпрямились, как если бы он совершал самый большой в своей жизни прыжок, и затем задрожали в смертельной агонии. Все это время глаза его не отрывались от глаз Мэг, и она по-прежнему глядела вниз, на него.

— Что ты делаешь? — завопил Гавейн. — Оставь его. Не причиняй ему зла.

— Ох, единорог, — прошептала Мэг.

Задние ноги единорога вытянулись, дрожь в них стихала. Голова его упала Мэг на колени. Ноги в последний раз дернулись и застыли, и синеватые веки поднялись, наполовину скрывая глаза. Он лежал неподвижно.

— Что ты наделал? — воскликнул Гарет. — Ты же убил его. Он был так прекрасен.

Агравейн завыл дурным голосом:

— Эта девчонка была моей матерью. Он положил ей голову на колени. Он должен был умереть.

— Мы же договорились, что сохраним его, — вопил Гавейн. — Что отведем его домой и нас допустят к ужину.

— Бедный единорог, — сказала Мэг.

— Посмотрите, — сказал Гахерис. — Боюсь, он подох.

Гарет встал лицом к лицу с Агравейном, бывшим на три года старше него и способным свалить его наземь одним ударом.

— Зачем ты это сделал? — спросил он. — Убийца. Такой был чудесный единорог. Зачем ты его убил?

— Его голова лежала на коленях у нашей матери.

— Он же не хотел причинить ей вреда. У него копыта были серебряные.

— Он был единорогом, и его полагалось убить. И Мэг мне тоже нужно было убить.

— Ты предатель, — сказал Гавейн. — Мы бы отвели его домой, и нас допустили бы к ужину.

— Как бы там ни было, — сказал Гахерис, — теперь он подох.

Мэг наклонила голову над белой челкой единорога и тут же снова заплакала.

Гарет поглаживал голову единорога. Ему пришлось отвернуться, чтобы скрыть слезы. Гладя

голову, он обнаружил, какая у единорога была мягкая и ровная шкура. Он увидел вблизи глаза зверя, теперь быстро тускнеющие, и всей душой ощутил, что случилась трагедия.

— Ну, во всяком случае, теперь он подох, — в третий раз повторил Гахерис. — Так что лучше нам оттащить его домой.

— Все-таки мы изловили его, — сказал Гавейн, в сознании которого забрезжило чудо, совершенное ими.

— Скотину такую, — сказал Агравейн.

— Мы же поймали его! Мы, сами!

— Сэр Груммор ни одного не поймал.

— А мы поймали.

Гавейн уже позабыл, как ему жалко было единорога. Он заплясал вокруг тела, размахивая пикой и испуская жуткие, пронзительные вопли.

— Надо его выпотрошить, — сказал Гахерис. — Мы должны все сделать как следует, — вырезать требуху, взвалить его на пони и отвезти домой, в замок, как настоящие охотники.

— И тогда она будет довольна!

— Она скажет: «Господня нога! какие у меня выросли могучие сыновья!»

— И нам позволят вести себя, как сэру Груммору и Королю Пеллинору. Теперь уж все пойдет

хорошо.

— Так как его потрошат-то?

— Мы ему вырежем кишки, — сказал Агравейн. Гарет встал и пошел в сторону вересковых зарослей. Он сказал:

— Не хочу я его потрошить. А ты, Мэг?

Мэг, ощущавшая тошноту, не ответила. Гарет развязал ее косы, и она вдруг рванулась и изо всей мочи побежала прочь от страшного места, к замку. Гарет кинулся следом.

— Мэг, Мэг! — звал он. — Подожди меня. Не убегай.

Но Мэг все бежала, быстро, как Анталоп, мелькали голые ноги, и Гарет сдался. Он упал в вереск и от всей души заплакал, и сам не зная почему.

А у трех потрошителей дело шло худо. Они принялись подрезать шкуру на брюхе, но не зная, как это толком делается, проткнули кишки. Чувствовали они себя преотвратно, а зверь, еще недавно прекрасный, стал теперь грязным и мерзким. Каждый из них на свой манер питал к единорогу любовь, включая и Агравейна, чьи чувства были особенно путаными, и чем более виновными ощущали они себя за порчу его красоты, тем сильнее его ненавидели за эту свою вину. Особенно сильную ненависть к мертвому телу испытывал

Гавейн. Он ненавидел его за то, что оно мертвое, за то, что оно когда-то было прекрасным, за то, что он ощущал себя подлой скотиной. Он любил зверя и сам же помог завлечь *:* его в ловушку, и теперь оставалось лишь излить свой стыд и ненависть к себе на труп. Он рубил этот труп, и резал, и чувствовал, что ему тоже хочется плакать.

— Ничего у нас не выйдет, — пыхтели мальчишки. — Как мы потащим его вниз, даже если сумеем выпотрошить?

— Но мы должны это сделать, — сказал Гахерис. — Должны. А если не сделаем, то какая от всего этого будет польза? Мы должны дотащить его до дому.

— Не дотащим.

— У нас нет пони.

— Когда потрошат оленя, его потом взваливают на пони.

— Нужно отрезать голову, — сказал Агравейн. — Мы должны отрезать ему голову и ее отнести. Хватит и головы. Ее мы как-нибудь вместе дотащим.

И они принялись за работу, ненавидя ее, с омерзением кромсая шею животного.

Лежа в вереске, Гарет выплакался. Он перекатился на спину и сразу перед глазами его

раскинулось небо. В бесконечной небесной глуби величаво проплывали облака, и у Гарета закружилась голова. Он думал: «Как далеко до этого облака? С милю? А до того, что выше него? Две? А за ними мили и мили, миллион миллионов миль, и все в пустой синеве. Может быть, сейчас я свалюсь с земли, если она вдруг перевернется, и поплыву все дальше и дальше. Я буду, пролетая, хвататься за облака, но они меня не удержат. И куда же я уплыву?»

От этой мысли Гарета замутило, а поскольку его к тому же еще мучил стыд за то, что он сбежал, не желая участвовать в потрошении, ему и вовсе стало не по себе. В таких обстоятельствах оставалось только одно — оставить то место, в котором тебя охватило неприятное чувство, в надежде, что и чувство тоже останется там. Он поднялся и пошел назад, к остальным.

— Привет, — сказал Гавейн, — ну что, поймал ты ее?

— Нет, она убежала в замок.

— Надеюсь, она никому не сболтнет, — сказал Гахерис. — Нужно, чтобы вышел сюрприз, а иначе нам пользы не будет.

Троица мясников была залита потом и кровью, и чувствовали они себя хуже некуда. Агравейна

уже вырвало дважды. Но они продолжали трудиться, и Гарет стал им помогать.

— Что уж теперь останавливаться, — сказал Гавейн. — Подумай, как будет здорово, если мы сможем отнести ее к нашей матушке.

— Может быть, она даже поднимется наверх, пожелать нам доброй ночи, если мы принесем ей то, что ей нужно.

— Она рассмеется и назовет нас великими охотниками.

Когда удалось перебить хрящеватый хребет, выяснилось, что голова чересчур тяжела, чтобы ее нести. Они только изгваздались, пытаясь ее поднять. Тогда Гавейн предложил отволочь ее, обвязав веревкой. Правда, веревки не было.

— Мы можем тащить ее за рог, — сказал Гарет. — Во всяком случае, так ее можно будет волочь да еще подталкивать сзади, хотя бы пока мы на склоне горы.

Как следует ухватиться за рог удавалось лишь одному, так что они тянули голову по очереди, — один тянул, а остальные подталкивали сзади, когда голова застревала в канаве или цеплялась за вересковый корень. Даже и так им приходилось туго, и они останавливались примерно через каждые двадцать ярдов, чтобы поменяться

местами.

— Когда мы доберемся до замка, — отдувался Гавейн, — мы укрепим ее на скамейке в саду. Матушка всегда проходит мимо скамейки, когда выходит перед ужином прогуляться. А мы встанем перед скамейкой, и как она подойдет, сразу отступим, она и увидит.

— То-то она удивится, — сказал Гахерис. Когда им, наконец, удалось спустить голову со склона горы, возникла новая помеха. Выяснилось, что по ровной земле голову уже не протянешь, потому что рог в качестве рычага здесь не годится.

Поскольку близился ужин и время подпирало, Гарет сам вызвался сбегать за веревкой. Веревкой обвязали то, что осталось от головы, и таким образом на этой, последней стадии вымазанный, окровавленный, иссеченный вереском экспонат, с вытекшими глазами и клочьями мяса, отстающего от костей, удалось дотащить до садика, где выращивались целебные травы. Они водрузили его на скамью и, как сумели, расправили гриву. Особенно Гарет старался так повернуть голову, чтобы дать хоть какое-то представление о памятной ему красоте.

Королева-волшебница пунктуально вышла на прогулку, беседуя с сэром Груммором; за ней по

пятам бежали комнатные собачки: Трэй, Бланш и Милка. Она не заметила четверых своих сыновей, стоявших перед скамейкой. Они стояли уважительно, в ряд, чумазые, возбужденные, и в груди у каждого колотилась надежда.

— Давай! — крикнул Гавейн, и они расступились.

Королева Моргауза не увидела единорога. Голова у нее была занята иными вещами. И она прошла мимо вместе с сэром Груммором.

— Матушка! — странным голосом вскрикнул Гарет и побежал за ней, хватая ее за подол.

— Да, мой ласковый. Чего тебе?

— Матушка! Мы добыли тебе единорога.

— Какие они забавники, сэр Груммор, — сказала она. — Ну, голубки, бегите, попросите, чтобы дали вам молочка.

— Но мамочка…

— Да, да, — низким голосом сказала она. — В другой раз.

И Королева, тихая, как предгрозовая туча, проследовала мимо вместе с недоумевающим рыцарем из Дикого Леса. Она не заметила, что одежда ее детей бесповоротно испорчена; она даже не выговорила им за это. Позже, вечером, узнав о единороге, она приказала их высечь, ибо

день, проведенный ею с английскими рыцарями, был неудачен.

8

Целый лес шатров украсил равнину при Бедегрейне. Они походили на старомодные пляжные будки и отливали всеми цветами радуги. На некоторых имелись даже полоски, в точности как на пляжных будках, но большая их часть была однотонной — зеленые, желтые и так далее. К боковым стенам шатров были прикреплены, а то и оттиснуты на них разнообразные геральдические изображения — огромные черные орлы, иногда даже двуглавые, виверны, копья, дубы, а порой — своего рода живописные каламбуры, обыгрывающие имена владельцев. Например, на шатре сэра Кэя имелся черный ключ, а на шатре сэра Элбоуза из вражьего лагеря — пара рук по локоть, в складчатых рукавах. Их еще называют манжесты. На макушках шатров развевались вымпелы, и у каждого шатра стояли, прислоненные к нему, снопы копий. У баронов позадиристей перед входом в шатер помещались щиты или огромные медные тазы, так что вам оставалось лишь бухнуть в один из них древком копья, и еще до того, как замирала гулкая музы-

ка, барон, подобно сердитой пчеле, вылетал из шатра, дабы с вами сразиться. Развеселый сэр Динадан вывесил у своего шатра здоровенный урыльник. Ну, разумеется, и на людей тоже стоило посмотреть. По всей равнине между шатров повара ругались с собаками, стянувшими шмат баранины, мальчишки-пажи норовили украдкой написать что-нибудь обидное на спинах один у другого, элегантные менестрели душевно пели, подыгрывая себе на лютнях, что-нибудь наподобие «Зеленых Рукавов», и оруженосцы с неимоверно невинными глазами пытались всучить друг другу охромелых коней, и лирники в надежде заработать грош наигрывали на виелах, и цыганки предсказывали желающим, что их ждет в предстоящем сражении, и играли в шахматы огромные рыцари в неряшливых тюрбанах, у некоторых из них сидели на коленях маркитантки, и куда ни глянь, мельтешили, словно на празднике, жонглеры, трузоры, акробаты, арфисты, трубадуры, шуты, менестрели, фигляры, медведи-плясуны, канатные плясуны, ходульные плясуны, плясуны балетные, шарлатаны, пожиратели огня и балансеры. Все это отчасти смахивало на Дерби в день скачек. Вкруг шатрового леса простирался, куда толь-

ко достигали глаза — и дальше — бескрайний Шервудский лес, полный диких вепрей, матерых оленей, разбойников, драконов и переливниц. В лесу помещалась также засада, о которой — предположительно — никто не ведал.

Король Артур не уделял внимания близившейся битве. Невидимый, он сидел в своем шатре, в самом средоточии всеобщей суеты и день за днем проводил в беседах с сэром Эктором, или с сэром Кэем, или с Мерлином. Командиры рангом пониже нарадоваться не могли тому, что их Король проводит столько военных советов, ибо, видя внутри шелкового шатра не гаснущую до самого утра лампаду, они преисполнялись уверенности, что Король обдумывает план великолепной кампании. На самом же деле разговоры шли о вещах совершенно иных.

— Они будут страшно завидовать друг другу, — говорил Кэй. — Каждый из рыцарей твоего ордена заявит, что он лучше всех прочих, и пожелает сидеть во главе стола.

— Значит, нам нужен круглый стол, безо всякой главы.

— Ну, Артур, как же ты усадишь за круглый стол сто пятьдесят рыцарей. Постой-ка…

Мерлин, который теперь почти и не вмеши-

вался в разговор, а просто сидел, сложив руки на животе и сияя, помог Кэю выбраться из затруднительного положения.

— Ярдов пятьдесят в поперечнике, — сказал он. — Рассчитывается с помощью 2р.

— Хорошо, пусть так. Скажем, пятьдесят ярдов. Ты представь, сколько места останется посередке. Это же деревянный океан с тонким людским ободком. В середине даже еду не поставишь, потому что никто до нее не дотянется.

— Значит, стол будет не круглый, а круговой, — сказал Артур. — Не могу подобрать нужного слова. Я хочу сказать, что мы ведь можем сделать стол наподобие обода или тележного колеса, и в пустом пространстве, там где у колеса спицы, смогут передвигаться слуги. А сидящих за ним мы назовем: Рыцари Круглого Стола.

— Отличное название!

— И самое важное, — продолжал Король, чем дольше думавший, тем мудрей становившийся, — важнейшее — это набрать побольше юношей. Старые рыцари, те, с которыми мы бьемся, в большинстве окажутся слишком старыми, чтобы чему-то научиться. Я думаю, мы сможем принять их и принудить сражаться по-новому, но они все равно будут сбиваться на старые повадки, вроде

тех, что у сэра Брюса. Груммор и Пеллинор — их мы, безусловно, должны принять — интересно только, куда они подевались? Груммор с Пеллинором подходят, потому что в глубине души они всегда оставались добряками. Но я не думаю, что люди Лота когда-либо смогут по-настоящему прижиться в ордене. Потому я и говорю, что нужно набрать молодых. Нам придется вырастить на будущее новое поколение рыцарей. Взять хоть того мальчугана по имени Ланселот, который прибыл сюда сам знаешь с кем, — вот такие-то нам и нужны. Они и составят истинный Круглый Стол.

— Кстати, о Столе, — сказал Мерлин. — Не понимаю, почему это я до сих пор не сказал тебе, что у Короля Леодегранса имеется один, и весьма подходящий. Поскольку ты намерен жениться на его дочери, можно его уговорить, чтобы он отдал тебе этот стол в виде свадебного подарка.

— Я намерен жениться на его дочери?

— Конечно. Ее зовут Гвиневера.

— Послушай, Мерлин, я не хочу знать будущего, да я и не уверен, что верю во все это…

— Есть вещи, которые я обязан тебе сказать, веришь ты в них или не веришь. Горе-то в том, что я никак не избавлюсь от ощущения, будто существует нечто, о чем я забыл тебе рассказать. Да,

и напомни мне как-нибудь, чтобы я предупредил тебя насчет Гвиневеры.

— Ты своими предсказаниями всех заморочил, — жалобно сказал Артур. — Я и сам уже запутался в половине вопросов, которые собирался тебе задать. Вот, к примеру, кем была моя…

— Тебе придется учредить особые праздники, — перебил его Кэй, — на Пятидесятницу и так далее, когда все рыцари будут собираться за обедом и повествовать о своих делах. Это может заставить их сражаться на твой новый манер, чтобы было о чем потом рассказать. А Мерлин мог бы с помощью волшебства написать против их мест их имена, а на сидениях вырезать гербы. Получится великолепно!

Эта волнующая идея заставила Короля забыть о своем вопросе, и оба молодых человека тут же уселись рисовать для волшебника собственные гербы, чтобы не вышло какой ошибки в цветах. В самый разгар этой работы Кэй, высунувший от усердия кончик языка, вдруг поднял глаза и сказал:

— А кстати. Помнишь, мы спорили насчет агрессии? Ну так вот, я придумал хорошую причину для того, чтобы начать войну.

Мерлин застыл.

— Хотел бы о ней услышать.

— Хорошая причина для того, чтобы начать войну, состоит попросту в том, что такая причина имеется! Например, может появиться король, открывший для людей новый образ жизни, — ты понимаешь? — что-то такое, от чего всем будет хорошо. Это может быть даже единственным способом спасти людей от погибели. Так вот, если люди окажутся слишком порочны или тупы, чтобы принять его способ, ему придется силой заставить их, мечом, в их же собственных интересах.

Волшебник вцепился в свою мантию, стиснул кулаки, винтом скручивая ткань, и затрясся всем телом.

— Весьма интересно, — произнес он дрожащим голосом. — Весьма. Когда я был молод, нашелся один такой — австриец, выдумавший новый образ жизни и убедивший себя, что он именно тот человек, который сможет привести его в действие. Он пытался осуществить свои реформы при помощи меча и утопил цивилизованный мир в страданиях и хаосе. Впрочем, было одно обстоятельство, которое этот деятель как-то упустил из виду, и состояло оно, друг мой, в том, что по части реформ у него имелся предшественник,

и звали его Иисус Христос. Может быть, мы вправе предположить, что о том, как спасти людей, Иисус знал не меньше австрийца. Странно вот только, что Иисус не выстроил своих учеников в штурмовые отряды, не сжег Иерусалимский Храм и не обвинил в поджоге Понтия Пилата. Наоборот, он очень ясно сказал, что задача философа — делать свои идеи *доступными,* а вовсе не навязывать их людям.

Вид у Кэя был бледный, но упрямый.

— Артур сражается в этой войне, — сказал он, — именно ради того, чтобы навязать свои идеи Королю Лоту.

9

Мысль Королевы относительно охоты на единорога имела удивительные последствия. Чем более страдал от любви Король Пеллинор, тем более очевидным становилось, что нужно что-то предпринимать. И сэра Паломида посетило вдохновение.

— Рассеять королевскую меланхолию, — заявил он, — способен только Искомый Зверь. За свою жизнь магараджа сахиб привязался к нему. Искренне ваш давно уже это сказал.

— По моему личному мнению, — сказал сэр Груммор, — Искомый Зверь умер. Во всяком случае, сейчас он во Фландрии.

— Тогда нам следует преобразиться в него, — сказал сэр Паломид, — Нам следует взять на себя роль Искомого Зверя, и пусть он охотится на нас.

— Вряд ли нам удастся преобразиться в Искомого Зверя.

Но идея уже увлекла сарацина.

— Почему же нет? — спросил он. — Почему нет, клянусь Джунго. Фигляры переодеваются в животных — в оленей, козлов и так далее, — и

пляшут под звон колокольчиков, кружась и изгибаясь.

— Но право, Паломид, мы-то ведь не фигляры.

— Так станем же ими!

— Фиглярами!

Фиглярами звались менестрели наинизшего разбора, и сэру Груммору мысль обратиться в фигляра вовсе не улыбалась.

— Да как же мы сможем переодеться в Искомого Зверя? — слабо осведомился он. — Уж больно зверюга-то путаная.

— Опишите мне это животное.

— Ах, чтоб меня! У него змеиная голова, тело леопарда, лягвии льва и голени матерого оленя. И черт подери, где мы возьмем шум в его брюхе — как бы от тридцати пар гончих, напавших на след?

— Искренне ваш будет брюхом, — предложил сэр Паломид, — и станет подавать голос, вот так.

И Паломид завыл, словно тиролец.

— Тише! — крикнул сэр Груммор. — Вы весь замок перебудите.

— Значит, договорились?

— Нет, не договорились. За всю мою жизнь не слышал подобной чуши. Да потом, у вас и шум совершенно не тот. Шум должен быть вот какой.

И немелодичным альтом сэр Груммор заквохтал, будто тысяча диких гусей, плещущихся в Уоше.

— Тише! Тише! — закричал сэр Паломид.

— Какое там тише! Вы-то попросту визжали, как стадо свиней.

Тут двое натуралистов принялись гугукать и хрюкать, кудахтать и квохтать, кукарекать и крякать, хрипеть, сопеть, квакать, мяукать и взрыкивать один на другого, пока лица у них не стали краснее красного.

— Голову, — сказал сэр Груммор, внезапно прервавшись, — придется соорудить из картона.

— Или из парусины, — сказал сэр Паломид. — У населения, занятого рыбной ловлей, парусина должна иметься в достатке.

— А для копыт подойдут кожаные сапоги.

— Пятна мы нарисуем на теле.

— Тело придется сделать с пуговицами посередке.

— Там, где мы будем соединяться.

— И вы, — щедро добавил сэр Паломид, — можете взять себе заднюю половину и подражать собакам. Шум ведь должен доноситься из брюха, это установлено со всей очевидностью.

Сэр Груммор зарумянился от удовольствия, но

сказал ворчливо, как норманну и следует:

— Что ж, Паломид, спасибо. Должен сказать, что, по-моему, это с вашей стороны чертовски любезно.

— Ну что вы.

Всю следующую неделю Король Пеллинор почти не видел своих друзей.

— Вы, Пеллинор, займитесь стихами, — говорили они ему, — или ступайте, повздыхайте на скалах, будьте умницей.

И Пеллинор убредал, нестройно выкрикивая «Фландрия — Саламандра я» или «Дочь — превозмочь», когда его посещала очередная идея, а где-то на заднем плане маячила темная Королева.

Тем временем за запертой дверью комнаты сэра Паломида шили, кромсали, расписывали и препирались в количествах, здесь почти и невиданных,

— Дорогой вы мой, говорю же *я* вам, что пятна у леопарда — черные.

— Жженая пробка, — упрямился сэр Паломид.

— Какая еще пробка? Да и нет у нас пробки. И два творца гневно таращились друг на друга.

— Примерьте голову.

— Так и есть, разорвали. Говорил же я вам.

— Конструкция головы отличалась некоторой

непрочностью.

По завершении реконструкции язычник отступил несколько в сторону, чтобы полюбоваться результатом.

— Поосторожнее с пятнами, Паломид. Ну вот, вы их смазали.

— Тысяча извинений!

— Смотрите, куда ступаете.

— Да? А на ребра кто наступил?

На второй день возникли осложнения с крупом.

— Гузно у нас тесновато.

— А вы не наклоняйтесь.

— Как же мне не наклоняться, когда я задняя половина?

— Ничего, не треснет.

— Еще как треснет.

— Нет, не думаю,

— Вот видите, и треснуло.

— Вы все же посматривайте на мой хвост, — сказал сэр Груммор на третий день, — а то вы его топчете.

— Полегче, Груммор. Вы мне шею свернули.

— Вы разве не видите, в чем дело?

— Что я могу видеть со свернутой шеей?

— Это хвост.

Последовала пауза, во время которой они разбирались, где кто.

— Так, теперь осторожно. Мы должны шагать в ногу.

— Задайте шаг.

— Левой! Правой! Левой! Правой!

— По-моему, у меня гузно съезжает.

— Если вы не будете держаться за поясницу искренне вашего, мы развалимся надвое.

— А если я буду держаться за вас, мне зада не удержать.

— Вот видите, пуговицы отлетели.

— Чертовы пуговицы.

— Искренне ваш предупреждал.

И потому весь четвертый день они пришивали пуговицы, а затем все начали заново.

— Могу я теперь полаять для практики?

— Да, конечно.

— Как вам изнутри мой лай?

— Звучит превосходно, Груммор, просто превосходно. Хотя впечатление остается отчасти странное оттого, что лай исходит из задней части, если только моя аргументация не представляется вам неосновательной.

— По-моему, звук получается глуховатый,

— Да, отчасти.

— Впрочем, возможно, что снаружи впечатление более благоприятное.

На пятый день они значительно продвинулись вперед.

— Нам следует попрактиковаться в галопе. В конце концов, мы же не можем все время прогуливаться, особенно когда он станет на нас охотиться.

— Очень хорошо.

— Как только я скажу «Марш», побежали. На старт, внимание, марш!

— Слушайте, Груммор, вы меня бодаете.

— Бодаю?

— Осторожно, кровать.

— Что вы сказали?

— О Господи!

— Чтоб она в адском огне сгорела, эта кровать! О, мои голени!

— Опять вы все пуговицы оторвали.

— Да черт с ними, с пуговицами. Я чуть ног не лишился.

— И голова у искренне вашего отлетела.

— Все же лучше ограничиться ходьбой.

— Под музыку галопировать было бы легче, — сказал сэр Груммор на шестой день. — Знаете, что-нибудь вроде охотничьего рога — тон-тон-

тили-тон.

— Что поделаешь, музыки у нас нет.

— Нет.

— А не могли бы вы напевать «тили-тон», Паломид, покамест я лаю?

— Искренне ваш может попробовать.

— Ну и отлично, тогда вперед!

— Тон-тон-тили-тон, тон-тон-тили-тон!

— Проклятье!

— Придется делать всю штуку заново, — сказал сэр Паломид под конец уик-энда. — Правда, копыта еще в дело сгодятся.

— Вот уж не думал, что так больно вываливаться из дверей, — и хоть бы, знаете ли, на мох.

— Вероятно, мох не так бы сильно изодрал парусину.

— Придется нам делать ее с двойным запасом прочности.

— Да.

— Хорошо хоть копыта еще сгодятся.

— Клянусь Юпитером, Паломид, ну и чудище!

— На этот раз результат получился великолепный.

— Жаль, вы не можете изрыгать изо рта пламя или еще что-нибудь такое.

— Чревато воспламенением.

— Ну что ж, Паломид, попробуем галопом?

— Вне всяких сомнений.

— Тогда задвиньте кровать в угол.

— А вы повнимательней с пуговицами.

— Если увидите, что мы на что-нибудь набегаем, вы просто остановитесь, ладно?

— Да.

— Смотрите в оба, Паломид.

— Будьте уверены, Груммор.

— Ну как, готовы?

— Готов.

— Вперед.

— Какой великолепный рывок, Паломид, — воскликнул сэр Груммор из Дикого Леса.

— Благородный галоп.

— А вы заметили, как я все время лаял?

— Как было не заметить, сэр Груммор!

— Ну и ну, не помню, когда я еще получал такое удовольствие.

Они задыхались от торжества, стоя внутри своего монстра.

— Послушайте, Паломид, вы посмотрите, как я размахиваю хвостом.

— Очаровательно, сэр Груммор. А гляньте, как у меня глаз моргает.

— Нет-нет, Паломид. Это вы взгляните на хвост.

Право, такое зрелище нельзя упустить.

— Послушайте, если я погляжу на ваш хвост, вы должны поглядеть на мой глаз. Это будет по-честному.

— Да я все равно изнутри ничего не вижу,

— Что до этого, сэр Груммор, то и искренне ваш не в состоянии достигнуть взором анальной области.

— Ну, ладно, давайте-ка пробежимся еще раз. Теперь я буду крутить хвостом и брехать как безумный. То-то жуткое выйдет зрелище.

— А искренне ваш станет мигать то одним, то другим оком.

— А не могли бы мы слегка пригарцовывать на ходу, Паломид, по временам, — знаете, этакие курбеты выделывать?

— Курбеты приобретают более естественный вид, когда исполняются задней частью, соло.

— Вы хотите сказать, что я могу исполнять их один?

— Сие целесообразней.

— Право же, Паломид, я должен сказать, что вы проявляете незаурядное благородство, позволяя мне гарцевать в одиночку.

— Искренне ваш может быть уверен, что при выполнении курбетов будут соблюдены меры

предосторожности, предотвращающие нанесение неприятных ударов по задней стороне передней части животного?

— Вот именно как вы сказали, Паломид.

— Тогда по коням, сэр Груммор.

— Ату, Паломид!

— Тон-тон-тили-тон, на охоту мы идем!

Королеве пришлось признать невозможное. Даже своим затуманенным гаэльским разумом она вынуждена была уяснить, что осел питону не пара. Не оставалось решительно никакого смысла и дальше выставлять свои прелести и таланты ради ободрения этих смехотворных рыцарей, никакого смысла рассыпать перед ними тиранические соблазны того, что она почитала любовью. Внезапная перемена чувств позволила ей осознать, что она их ненавидит.

Они же попросту недоумки, да еще и сассенахи к тому же, а она — она святая. Эта смена настроения открыла ей, что она не любит никого, кроме своих драгоценных мальчиков. Она будет для них лучшей матерью в мире! Ее сердце изнывало по ним, материнская грудь вздымалась. Когда Гарет боязливо явился к ней в спальню с букетом сухого вереска — в виде извинения за то, что они вынудили ее их высечь, — Королева, поглядывая

в зеркало, осыпала его поцелуями.

Он уклонился от ее объятий и вытер слезы, испытывая неудобство, смешанное с восторгом. Принесенный им вереск был театрально поставлен в вазу без воды, — больше всего на свете Королева ценила домашний уют — и его отпустили. Гарет выскочил из королевской спальни, распираемый новостью: они прощены, — и словно волчок, закружился, сбегая по винтовой лестнице.

Этот замок не походил на тот, по которому так любил бегать Король Артур. Норманн навряд ли счел бы его замком, разве что дозорная башня могла показаться ему чем-то знакомой. Замок был на тысячу лет древнее всего, знакомого норманнам.

Замок, через который бежал ребенок, чтобы принести братьям добрую весть о материнской любви, зародился в туманах прошлого как странный символ Древнего Люда — форт на мысу. Загнанные вулканом истории в море, они намертво вцепились в последний полуостров. За спинами их — в буквальном смысле этого выражения — было море, и они выстроили поперек узкого скалистого выступа одну-единственную стену. Море, ставшее их судьбой, стало также и

последним их охранителем — по обе стороны мыса. На этой узкой полоске суши разрисованные синей краской людоеды сложили из неотесанных камней исполинскую стену в четырнадцать футов высотой и во столько же толщиной, с террасами по внутренней стороне, с которых они могли метать свои копья с кремневыми наконечниками. По всей внешней стороне стены они закрепили дерном тысячи заостренных камней: каждый камень торчал наружу в виде chevaux de frise, походившей на окаменелого ежа. За ней, за этой колоссальной стеной они по ночам ютились в деревянных хибарах вместе со своим домашним скотом. Для украшения имелись наткнутые на колья головы врагов, а кроме того, их король построил себе под землей сокровищницу, способную — при необходимости бегства — послужить и подземным ходом. Ход шел под стеной, так что даже если бы форт взяли штурмом, король мог удрать за спинами нападающих. Размеры хода позволяли пробираться по нему всего одному человеку, да и тому на карачках, а кроме того, в нем был выстроен особый загиб, — там можно было посидеть, подождать преследователя, чтобы, дождавшись, проломить ему голову, пока он будет соображать, что это за препятствие

возникло у него на пути. Дабы сохранить свою предусмотрительность втайне, король, он же первосвященник, собственноручно казнил строителей подземелья.

Все это было в прошлом тысячелетии.

Дунлоутеан подрастал неспешно, со сдержанностью, свойственной Древнему Люду. То в одном месте вдруг объявится длинный деревянный сарай — память нашествия скандинавов, то в другом раскатают кусок древней стены, чтобы выстроить для священников круглую башню. Дозорная башня с коровником под двумя жилыми покоями выросла самой последней.

Так что Гарет в поисках братьев бежал среди неприбранных обломков столетий, среди пристроек и переделок, мимо каменных плит с огамической надписью, чествующей какого-то давно уже мертвого Дига, сына Ноу, вделанных кверх ногами в бастион позднейшей постройки. Бастион стоял на вершине открытого всем ветрам утеса, обглоданного дыханием Атлантики до костей, а под ним ютилась средь дюн рыбацкая деревушка. Он словно бы унаследовал вид на дюжину миль пенных валов и на сотни миль облаков. И вдоль всего побережья святые и ученые мужи Эрина обитали в каменных иглу, в священ-

ной мерзостности, прочитывая по пятидесяти псалмов у себя в ульях и по пятидесяти под чистым небом, и еще по пятидесяти, погрузив тела свои в холодную воду и ненавидя переливчатый мир. Святой Тойрделбах был далеко не типичным их представителем.

Братьев своих Гарет обнаружил в кладовке.

Здесь стоял запах овсяной муки, копченой семги, сушеной трески, лука, акульего жира, сельди, засоленной в бочках, пеньки, маиса, куриного пуха, парусины, молока — по четвергам здесь пахтали масло — выдержанной сосновой доски, яблок, сохнущих трав, рыбьего клея, лака, который используют лучники, заморских пряностей, крысы, издохшей в ловушке, дичины, водорослей, древесной стружки, кухонных отбросов, еще не проданной шерсти горных овец и едкий запах дегтя.

Гавейн, Агравейн и Гахерис сидели на шерсти и грызли яблоки. Они спорили.

— Это не наше дело, — упрямо сказал Гавейн. Агравейн взвизгнул:

— Вот именно наше. Нас оно касается больше, чем кого бы то ни было. И потом, это дело неправое.

— Как ты смеешь говорить, что наша матушка

неправа?

— Неправа.

— Права.

— Если ты только и можешь, что перечить.

— Для сассенахов они очень порядочные, — сказал Гавейн. — Вчера вечером сэр Груммор позволил мне примерить свой шлем,

— Это тут ни при чем. Гавейн сказал:

— Я не желаю говорить об этом. Это грязный разговор.

— Ах, чистый Гавейн!

Гарет, войдя, увидел, как лицо Гавейна, обращенное к Агравейну, вспыхнуло под рыжими волосами. Было ясно, что на него вот-вот накатит один из его приступов ярости, но Агравейн принадлежал к разряду неудачливых интеллектуалов, слишком гордых, чтобы смиряться перед грубой силой. Он был из тех, кого в споре сбивают на пол, потому что они не способны за себя постоять, но и лежа на полу они продолжают спорить, глумясь над противником: «Ну давай, давай, ударь еще, покажи, какой ты умный».

Гавейн уставился на Агравейна пылающим взглядом:

— Придержи язык.

— Не стану.

— Так я тебя заставлю.

— Заставишь — не заставишь, ничего от этого не изменится.

Гарет сказал:

— Замолчи, Агравейн. Гавейн, оставь его в покое; Агравейн, если ты не умолкнешь, он тебя убьет.

— А мне все равно, убьет он меня или нет. Я сказал правду.

— Утихни, тебе говорят.

— Не утихну. Я сказал, что мы должны составить письмо к отцу насчет этих рыцарей. Мы обязаны рассказать ему о нашей матери. Мы…

Гавейн обрушился на него, не дав ему закончить.

— Ах ты дьявольская душонка! — вопил он. — Предатель! А-а, вот ты как!

Ибо Агравейн сделал нечто, в семейных ссорах еще невиданное. Он был слабее Гавейна и боялся боли. Оказавшись подмятым, он вытащил кинжал и замахнулся на брата.

— Берегись, в руке, — крикнул Гарет. Дерущиеся метались по катаной шерсти.

— Гахерис, поймай его руку! Гавейн, отпусти его! Агравейн, брось кинжал! Агравейн! Если ты не бросишь его, он тебя убьет! Ах ты скотина!

Лицо у мальчика посинело, кинжала нигде не было видно. Гавейн, стискивая руками горло Агравейна, яростно колотил его головою об пол. Гарет ухватил Гавейна за рубаху около шеи и скрутил ее, чтобы лишить его воздуха. Гахерис, ползая вокруг, шарил по полу в поисках кинжала.

— Оставь меня, — задыхался Гавейн — Отпусти. Он то ли закашлялся, то ли что-то всхрапнуло в его груди, словно у молодого льва, пробующего зарычать.

Агравейн, у которого был поврежден кадык, расслабил мышцы и лежал, икая, с закрытыми глазами. Судя по его виду, он был при смерти. Двое братьев оттащили Гавейна в сторону и держали его, пригибая к полу, все еще рвущегося к своей жертве, чтобы докончить начатое.

Странно, но когда на него накатывала вот такая черная ярость, он, видимо, лишался человеческих черт. В дальнейшем, когда его доводили до этого состояния, он убивал даже женщин, — хотя и горько сожалел об этом впоследствии.

Доведя поддельного Зверя до совершенства, рыцари унесли его и скрыли в пещере у подножья утесов, несколько выше приливной отметки. Затем они выпили виски, дабы отпраздновать

событие, и как только стемнело, отправились искать Короля.

Короля, с гусиным пером и листом пергамента, они отыскали в его покое. Стихов на пергаменте не было — только рисунок, имевший изобразить пронзенное стрелой сердце, внутри которого переплетались П и С. Король сморкался.

— Извините меня, Пеллинор, — сказал сэр Грум-мор, — но мы тут кое-что видели, на утесах.

— Что-нибудь гадкое?

— Ну, не вполне.

— Жаль, а я уже понадеялся.

Сэр Груммор обдумал положение и отодвинул сарацина в сторону. Они заранее сговорились о необходимости соблюдения определенного такта.

— Слушайте, Пеллинор, — невежливо сказал сэр Груммор, — что это вы рисуете?

— А как вы думаете, что?

— Похоже на какой-то рисунок.

— Рисунок и есть, — сказал Король. — Я был бы не против, если б вы оба куда-нибудь ушли. Ну, то есть, если вы в состоянии понимать намеки,

— Я бы на вашем месте провел здесь линию, — упорствовал сэр Груммор.

— Где?

— Вот здесь, где свинья нарисована.

— Друг любезный, я не понимаю, о чем вы толкуете.

— Виноват, Пеллинор, я решил, что это вы с закрытыми глазами рисовали свинью.

Сэр Паломид нашел, что настало время вмешаться.

— Сэр Груммор, — застенчиво молвил он, — наблюдал некий феномен, клянусь Юпитером!

— Феномен?

— Явление, — объяснил сэр Груммор.

— Какое еще явление? — подозрительно поинтересовался Король.

— Такое, что вам бы понравилось.

— У него было четыре ноги, — добавил сарацин.

— Это что, животное, овощ или минерал? — спросил Король.

— Животное.

— Свинья? — осведомился Король, у которого родилось подозрение, что они намекают на что-то.

— Нет-нет, Пеллинор. Какая еще свинья? Выбросьте вы этих свиней из головы. Эта штука издавала шум, подобно собачьей своре.

— Как от шестидесяти гончих, — пояснил сэр

Паломид.

— Так это кит! — воскликнул Король.

— Нет, Пеллинор, нет. Кит же безногий.

— Но шум от него именно такой.

— Так кит или не кит?

— Дорогой мой, откуда мне знать? Постарайтесь не уклоняться от темы нашей беседы.

— Я и рад бы, да что за тема-то, что? Это походит на игру в зверинец.

— Да нет же, Пеллинор. Эта штука, которую мы видели, она лает.

— Ну, я вам скажу, — взвыл Пеллинор. — Лучше бы вы оба заткнулись или ушли бы отсюда. То у вас киты, то свиньи, теперь еще лает какая-то штука, это же спятить можно. Вам что, трудно оставить человека в покое? Он бы порисовал себе немного и без особого шума повесился, раз и навсегда. Я хочу сказать, это не такая уж невыполнимая просьба, что? Как по-вашему?

— Пеллинор, — сказал сэр Груммор, — крепитесь. Мы видели Искомого Зверя!

— Почему?

— Почему?

— Да, почему?

— А почему вы говорите «почему»?

— Я имел в виду, — пояснил сэр Груммор, — что

вы могли бы спросить «где» или «когда». Но почему «почему»?

— А почему нет?

— Пеллинор, вы что, утратили всякое чувство приличия? Я же говорю вам, мы видели *Искомого Зверя,* — он здесь, на утесах, совсем близко от нас.

— Он, к вашему сведению, не он, а она.

— Дело не в том, она или он, дружище. Дело в том, что мы ее видели.

— Так почему бы вам не пойти и не поймать ее?

— Потому что это не наше дело — ловить ее, Пеллинор, а ваше. В конце-то концов, она — труд всей вашей жизни, разве не так?

— Дура она.

— Может, дура, а может, не дура, — сказал сэр Груммор обиженным тоном. — Суть в том, что она ваш magnum opus. Только Пеллинор способен ее словить. Вы это сами всегда твердили.

— А зачем мне ее ловить? — спросил монарх, — Что? В конце концов, ей, вероятно, хорошо там, на скалах. Не понимаю, с чего вы подняли столько шуму?

— Сколько страшной печали в том, — добавил он, отвлекаясь от темы, — что люди не могут

пожениться, когда им так хочется. Я хочу сказать, какой мне прок в этой зверюге? Я ведь на ней не женат, верно? Так чего я за ней все время гоняюсь? По-моему, в этом нет логики.

— Все что вам требуется, Пеллинор, — это добрая охота. Чтобы взбодрить вашу печень.

Они отобрали у него перо и влили в него несколько стаканчиков ирландского, причем и себя не обидели,

— Похоже, это единственное, на что я гожусь, — сказал Король внезапно. — В конце концов, только Пеллинор способен ее словить,

— Ну вот и умница, вот и храбрец!

— Только я так иногда тоскую, — добавил он, прежде чем они сумели ему помешать, — по дочери Королевы Фландрии. Ока не была прекрасна, Груммор, но она меня понимала. Знаете, мне казалось, что мы очень подходим друг другу. Я, может быть, не такой уж и умный и вечно влипаю в неприятности, если за мной не присматривать, но когда Свинка была рядом, она всегда знала, как мне следует поступать. И потом, я был не один. Все-таки приятно иметь кого-нибудь рядом, особенно если всю жизнь гоняешься за Искомой Зверью, что? А то как-то одиноко в лесу. Конечно, и Зверь тоже в своем роде компания — пока за

ней бегаешь. Но с ней ведь не поговоришь, не то что со Свинкой. И стряпать она не умеет. Я и сам не понимаю, чего я лезу к вам с этими разговорами, но честное слово, порой становится как-то невмоготу. Свинка ведь не была какой-нибудь там вертихвосткой. Я и в самом деле любил ее, Груммор, правда, и если б она хоть отвечала на мои письма, как было бы хорошо.

— Бедный старина Пеллинор, — сказали они.

— Знаете, Паломид, я сегодня видел сразу семь сорок. Летели мимо, с виду — ну совершенные сковородки, с ручками. Одна означает горе, две — радость вскоре, три — жениться, четыре — мальчик родится. Выходит, что семь сорок — это четыре мальчика, верно?

— Похоже на то, — согласился сэр Груммор.

— Их должны были звать Агловаль, Персиваль и Ламорак, а у четвертого такое смешное имя, никак не могу его вспомнить. Ну, теперь-то уж что уж. Все-таки, сказать по правде, мне хотелось бы иметь сына по имени Дорнар.

— Послушайте, Пеллинор, что было, того не воротишь, и лучше с этим смириться. Почему бы вам, например, не набраться смелости и не поймать вашу Зверюгу?

— Как видно, придется.

— Ну и правильно. И выбросьте все остальное из головы.

— Восемнадцать лет прошло, как я гоняюсь за ней, — задумчиво молвил Король. — Можно бы и поймать, для разнообразия. Интересно, куда подевалась моя ищейка?

— Ах, Пеллинор! Вот это уже разговор!

— Быть может, наш достопочтенный монарх прямо сейчас и начнет?

— Что вы, Паломид? Ночью? В темноте?

Сэр Паломид украдкой пихнул сэра Груммора.

— Наносите по железу удары, — прошептал он, — пока температура его высока.

— Вас понял.

— Я полагаю, это не важно, — сказал Король. — В сущности говоря, ничего не важно.

— Ну и отлично, — воскликнул сэр Груммор, беря руководство в свои руки. — Значит, поступим так. Старина Пеллинор затаится этой ночью в засаде на одном конце скал, а мы вдвоем как следует прочешем местность, двигаясь в его сторону с другого конца. Зверь наверняка где-то там, поскольку мы его видели прямо нынешним вечером.

— Как по-вашему, — спросил сэр Груммор, когда они переодевались в темноте, — неплохо я

обосновал наше присутствие, — что мы де будем загонять на него Зверя?

— Озарение свыше, — сказал сэр Паломид. — Голова у меня прямо сидит?

— Дружище, я и на дюйм дальше носа не вижу. Голос сарацина звучал неуверенно.

— Какая темень, — сказал он, — просто кромешная.

— Не обращайте внимания, — сказал сэр Груммор. — Зато она скроет мелкие недостатки нашего костюма. А там, глядишь, и луна покажется.

— Слава Богу, что меч у него обыкновенно тупой.

— Да, бросьте, Паломид, не трусьте. Не знаю почему, но я чувствую себя просто великолепно. Может, от виски. Но уж погарцую я нынче и полаю от души, будьте уверены.

— Вы пристегнулись ко мне, сэр Груммор. Перепутали пуговицы.

— Прошу прощения, Паломид.

— А не довольно будет вам просто размахивать хвостом и не гарцевать? Когда вы гарцуете, передняя часть испытывает некоторые неудобства.

— И хвостом помашу, и погарцую, — твердо сказал сэр Груммор.

— Ну что же, как знаете.

— На минутку уберите ваше копыто с хвоста, Паломид.

— А вы не могли бы на первой стадии похода нести хвост перекинутым через руку?

— Это будет выглядеть не вполне натурально.

— Вы правы.

— Да еще и дождь начинается, — с горечью произнес сэр Паломид. — Если вдуматься, в этих краях вечно идет дождь.

Он просунул коричневую руку в отверстие змеиного рта и подставил ладонь под капли. Капли колотили по парусине, как град.

— Разлюбезнейшая передняя часть, — весело, ибо он влил в себя изрядное количество виски, произнес сэр Груммор, — прежде всего, именно вы задумали эту экспедицию. Веселее, старый арап! Пеллинору, который нас там дожидается, придется потуже. В конце концов, у него-то нет парусины в пятнах, чтобы спрятаться под ней от дождя.

— Возможно, дождь еще перестанет.

— Конечно, перестанет. Это вы в самую точку попали, старый вы басурман. Ну что, готовы?

— Да.

— Тогда задайте шаг.

— Левой! Правой!

— Про рожок не забудьте.

— Левой! Правой! Тон-тон-тили-тон! Пардон?

— Это я просто лаю.

— Тон-тон-тили-тон! Тон-тон-тили-тон!

— А теперь погарцуем.

— О Господи, сэр Груммор!

— Прошу прощения, Паломид.

— Искренне ваш теперь не скоро сможет присесть.

Король Пеллинор мирно стоял под каплями, летевшими с обрыва, и без выражения смотрел перед собой. Ищейная сука несколько раз обмотала вокруг него свое длинное вервие. Он был в полных доспехах, слегка заржавевших и протекавших в пяти местах. Вода лилась по голеням Пеллинора и по обоим предплечьям, но хуже всего обстояло дело с забралом, Оно походило на тупое рыло, ибо опыт показывал, что уродливый шлем пуще пугает врага, и Король Пеллинор сильно смахивал на любознательную свинью. Дождь проникал в шлем сквозь носовые отверстия, и вода стекала ровными струйками, щекотавшими ему грудь. Король думал.

Что ж, думал он, может быть, хоть это их как-то угомонит. Конечно, дождь, да и вообще во всем этом мало хорошего, но ребята они милые и уж

больно им не терпелось. Трудно найти человека добрее старого Грума, да и Паломид, парень, вроде бы, свой, даром что язычник. Раз им приспичило порезвиться, простая порядочность требует, чтобы он помог им в этой затее. И суке прогуляться полезно. Жалко, что она вечно обматывается вокруг, ну да что тут поделаешь, природе ведь не прикажешь. Завтра придется все утро скрести доспехи.

Хоть будет чем заняться, жалостно думал Король. Все лучше, чем с утра до вечера слоняться туда-сюда с вечной печалью, угрызающей сердце. И мысли его обратились к Свинке.

Чем хороша была дочь Королевы Фландрии, так это тем что она не смеялась над ним. Многие не прочь над тобой посмеяться, если ты всю свою жизнь гоняешься за Искомой Зверью и все никак ее не поймаешь, — а вот Свинка, она не смеялась. Она, казалось, сразу поняла, как это интересно, и сделала несколько разумных предложений относительно устройства различных ловушек. Естественно, он не думал изображать из себя умника или еще кого, но все же приятно, когда над тобой не смеются. Каждый делает, что может.

А потом наступил страшный день, когда к берегу пристала эта чертова барка. Они влезли в нее,

потому что рыцарь обязан всегда устремляться навстречу приключению, а она тут же возьми да и отплыви. Они все махали Свинке, и Зверюга высунула голову из лесу и бросилась к морю с совершенно расстроенным видом. Но барка плыла, фигурки на берегу уменьшались, пока только и остался едва различимым носовой платок, которым махала Свинка, а потом ищейку стошнило.

Он писал ей из каждого порта. Куда бы он ни попал, он отдавал письма хозяевам постоялых дворов, и те обещали их отослать. А она не прислала ему в ответ ни единого слога,

А все потому, что человек он — никчемный, решил Король. Нерешительный, неумный, вечно во что-нибудь впутывается. С какой стати дочь Королевы Фландрии станет писать такому человеку письма, особенно после того, как он уселся в волшебную барку и уплыл неизвестно куда? Все равно что бросил ее, — кончено, она рассердилась, и правильно. А дождь все лил, вода щекотала грудь, и сука расчихалась. Доспехи совсем заржавеют, да еще в шею дует сзади, там где привинчивается шлем. Темно, страшно. И с обрыва течет что-то липкое.

— Извините меня, сэр Груммор, это не вы сопите мне в ухо?

— Нет, дорогой друг, не я. Вы шагайте, шагайте. Я только лаю, как умею, вот и все.

— Я спрашиваю не о лае, сэр Груммор, но о некоем шумном дыхании сиплой разновидности.

— Дорогой мой, а что вы меня-то спрашиваете? Все, что мне здесь слышно, это скрип, вроде как от кузнечных мехов.

— Искренне ваш полагает, что дождь вот-вот остановится. Вы не станете возражать, если и мы остановимся тоже?

— Знаете, Паломид, коли вам необходимо остановиться, останавливайтесь. Но если мы в скором времени не доберемся до места, у меня опять заколет в боку. И ради чего нам останавливаться?

— Мне бы хотелось, чтобы не было так темно.

— Но нельзя же останавливаться только потому, что темно.

— Нет. С этим приходится согласиться.

— Тогда вперед, старина. Левой! Правой! Самое милое дело.

— Послушайте, Груммор, — несколько погодя сказал Паломид. — Оно опять!

— Что?

— Пыхтит, сэр Груммор.

— А вы уверены, что это не я? — поинтересовался сэр Груммор.

— Положительно. Это пыхтение угрожающее либо любовное, некое тяжкое дыхание. Ваш язычник искренне желает, чтобы не было так темно.

— Ну, вам сразу все подай. Вы, Паломид, все-таки будьте добры, шагайте.

Немного погодя сэр Груммор спросил погребальным тоном:

— Дорогой вы мой, а что это вы все время деретесь?

— Но я не дерусь, сэр Груммор.

— Да? А кто же это тогда?

— Искренне ваш никаких ударов не ощущает.

— Что-то все время наподдает меня сзади.

— Быть может, это ваш хвост?

— Нет. Хвост я вокруг себя обмотал.

— Во всяком случае, для меня было бы невозможным ударить вас сзади, ибо передние ноги находятся спереди.

— Вот, опять!

— Что?

— Наподдало! Это было явное нападение. Паломид, нас атакуют!

— Нет-нет, сэр Груммор. Это вам кажется.

— Паломид, мы должны развернуться!

— Зачем, сэр Груммор?

— Чтобы посмотреть, кто меня лупит сзади.

— Искренне ваш не может ничего разглядеть, сэр Груммор. Слишком темно.

— Просуньте руку через рот, может, нащупаете что.

— Тут что-то круглое.

— Это я, сэр Паломид, Я сам, только сзади.

— Искреннейшие извинения, сэр Груммор.

— Пустяки, дружище, пустяки. Что вы еще ощущаете?

Голос добрейшего сарацина вдруг задрожал.

— Нечто холодное, — произнес он, — и… и склизкое.

— Оно двигается, Паломид?

— Двигается и, — оно сопит!

— Сопит?

— Сопит!

И в этот самый миг показалась луна.

— Силы благие! — тонким, визгливым голосом завопил сэр Паломид, едва выглянув изо рта. — Бежим, Грумморчик, бежим! Левой, правой! Ускорьте шаг! Форсированным маршем! Быстрее, быстрее! Не сбивайтесь с ноги! О мои бедные пятки! О мой Бог! О ужас!

Никакого смысла, решил Король. Вероятно, они заблудились — или отправились куда-нибудь повеселиться. Сырость собачья, как почти и все-

гда в Лоутеане, и если правду сказать, он сделал все, что мог, чтобы не нарушить их планов. А они взяли себе да и ушли, пожалуй, можно даже так выразиться — или почти можно, — что поступили они неучтиво, оставив его ржаветь вместе с этой чертовой сукой. Нехорошо.

И Пеллинор решительно зашагал в направленьи постели, волоча за собою ищейку.

В расщелине, расположенной на полпути к вершине одного из самых крутых утесов, поддельный Зверь препирался с собственным животом.

— Но, дорогой мой рыцарь, как же мог искренне ваш предвидеть бедствие подобного рода?

— Это была ваша идея, — гневно ответствовал живот. — Вы надумали переодеваться. Вы и виноваты.

У подножия утеса сидела в чувствительном расположении духа Искомая Зверь, собственной персоной, ожидая под романтическим светом луны, когда к ней спустится лучшая ее половина. За спиной ее серебристо переливалось море В различных уголках ландшафта несколько дюжин согбенных и раскоряченных представителей Древнего Люда внимательно наблюдали за развитием ситуации, укрывшись в скалах, в дюнах, в раковинных кучах, в каменных иглу и

так далее, — все еще тщетно пытаясь прозреть непостижимые английские тайны.

10

В Бедегрейне эта ночь была последней перед битвой. Епископы в немалом числе благословляли армии обеих сторон, выслушивали исповеди и произносили мессы. Воины Артура относились ко всему этому уважительно, а воины Лота — неуважительно, ибо таково было обыкновение всех армий, обреченных на поражение. Епископы убеждали обе стороны, что они победят, ибо с ними Бог, но люди Короля Артура знали, что на каждого из них приходится три солдата врага, и потому почитали за лучшее получить отпущенье грехов. А люди Короля Лота, также осведомленные о соотношении сил, провели ночь, танцуя, пьянствуя, играя в кости и рассказывая друг другу грязные анекдоты. Во всяком случае, так записано в хрониках.

В палатке Короля Англии прошел последний военный совет, и Мерлин задержался после него, чтобы поболтать. Вид у него был встревоженный.

— О чем ты тревожишься, Мерлин? Разве нам предстоит все же проиграть эту битву?

— Нет. Битву ты выиграешь. Я не причиню никакого вреда, сказав тебе об этом. Ты сделаешь все, что в твоих силах, будешь стойко сражаться и призовешь сам знаешь кого в нужный момент. Тебе от природы назначено выиграть битву, а потому неважно, скажу я об этом или не скажу. Нет. Сейчас меня беспокоит что-то еще, о чем мне следовало тебе рассказать.

— И о чем же это?

— Милостивые небеса! Разве стал бы я беспокоиться, если бы вспомнил — о чем?

— Это не о девице по имени Нимуя?

— Нет. Нет. Нет. Нет. Это дело совершенно иного рода. Это что-то — что-то такое, чего я никак не вспомню.

Немного погодя, Мерлин вытащил бороду изо рта и принялся пересчитывать пальцы.

— Про Гвиневеру я тебе рассказал, так ведь?

— Я в это не верю.

— Неважно. И насчет нее и Ланселота я тебя предупредил.

— А это предупреждение, — сказал Король, — было бы низким независимо от того, правдиво оно или ложно.

— Дальше, я сказал все, что следует, об Экскалибуре и об осторожности, с которой тебе следует

обходиться с его ножнами?

— Да.

— Про твоего отца я тебе рассказал, стало быть, дело определенно не в нем, о его особе ты получил представление. Больше всего меня сбивает с толку, — вскричал волшебник, выдирая пучки волос из шевелюры, — что я не могу припомнить, касается это прошлого или будущего.

— Выбрось ты это из головы, — сказал Артур. — Будущего я все равно знать не хочу. Для меня было бы лучше всего, если бы ты не тревожился так об этом, потому что и я начинаю тревожиться.

— Но это что-то такое, о чем я обязан сказать. Это жизненно важно.

— А ты перестань думать об этом, — предложил Король, — тогда, может быть, оно само и придет. Тебе нужно отдохнуть. В последнее время ты слишком утруждал свою голову всеми этими предупреждениями и приготовлениями к битве.

— Я обязательно отдохну, — воскликнул Мерлин. — Как только сражение кончится, я отправлюсь пешком в Северный Хумберланд. У меня есть наставник по имени Блейз, живущий в Северном Хумберланде, как знать, вдруг он сможет сказать мне, что именно я пытаюсь припомнить. А потом мы с ним понаблюдаем за дикими пти-

цами. Он великий знаток диких птиц.

— Вот и хорошо, — сказал Артур. — Отдохни как следует. А после, когда ты вернешься, мы сможем придумать, как нам помешать Нимуе.

Старик перестал возиться с пальцами и бросил на Короля острый взгляд.

— Невинный ты человек, Артур, — сказал он. — И очень добрый, честное слово.

— О чем это ты?

— Ты что-нибудь помнишь о волшебстве, которым владел, когда был еще маленьким?

— Нет. Разве я владел каким-либо волшебством? Я помню, что интересовался зверями и птицами. Собственно, потому я и устроил в Тауэре зверинец. Но о волшебстве не помню.

— Люди забывают об этом, — сказал Мерлин. — Ты, верно, и притч не помнишь, которые я рассказывал тебе, когда пытался что-либо объяснить?

— Помню, конечно. Одна была про какого-то Равви, ты ее рассказывал, когда я хотел куда-нибудь взять с собой Кэя. Я, правда, так и не понял, зачем умерла корова.

— Ладно, сейчас я хочу рассказать тебе еще одну притчу.

— Послушаю с удовольствием.

— На Востоке, возможно, в том же городе, где родился Равви Иаханан, был один человек, который шел по базару в Дамаске и вдруг нос к носу столкнулся со Смертью. Он заметил удивленное выражение на страшном лице призрака, однако они миновали друг друга, не обменявшись ни еловом. Человек напугался и отправился к мудрецу спросить, что ему делать. Мудрец сказал, что Смерть, скорее всего, явилась в Дамаск, чтобы завтра поутру забрать его с собой. От этого бедняга пришел в ужас и спросил, не может ли он как-нибудь избежать такой участи. Думали они, думали и надумали только, что жертве следует за ночь верхом доскакать до Алеппо, тем самым ускользнув от черепа с кровавыми костями.

— И вот человек этот поскакал в Алеппо, — страшная была скачка, ибо никому еще не удавалось добраться туда за одну ночь, — и когда он туда добрался, он отправился на базарную площадь, радуясь, что ускользнул от Смерти.

— Тут-то Смерть и подошла к нему и хлопнула по плечу. «Прости меня, — сказала она, — но я пришла за тобой». «Но как же так, — вскричал охваченный ужасом человек, — мне казалось, что вчера я встретил тебя в Дамаске!» «Верно, — ответила Смерть. — Потому я и удивилась, ибо

мне было велено встретиться с тобой сегодня — в Алеппо».

Некоторое время Артур размышлял над этой страшной, хоть и затасканной историей, а затем сказал:

— Стало быть, пытаться спастись от Нимуи бессмысленно?

— Даже если бы я того хотел, — сказал Мерлин, — и то было бы бессмысленно. Существует некое свойство Времени и Пространства, которое еще предстоит обнаружить философу по имени Эйнштейн. Кое-кто называет его Судьбой.

— Но вот чего я не могу переварить, так это того, что ты окажешься жабой в норе.

— Ай, ладно, — сказал Мерлин, — ради любви люди и не то еще делают. И потом, почему это жаба в норе непременно несчастна, — да не больше, чем ты во сне, к примеру. Обдумаю кое-что, пока меня оттуда не выпустят.

— Так тебя все-таки выпустят?

— Я скажу тебе еще кое-что, Король, и возможно, оно тебя удивит. Это случится не скоро, сотни лет пройдут, но мы с тобою вернемся, оба. Знаешь, что будет написано у тебя на могиле? Hie jacet Arthurus Rex quandam Rexque futurus. Латынь еще помнишь? Это означает: Король былого и

грядущего.

— И я возвращусь назад, так же, как ты?

— Некоторые говорят — из долины Авалона. Король молчал, задумавшись. Снаружи стояла глубокая ночь, и в ярко освещенном шатре было тихо. Шаги часовых по траве не долетали сюда,

— Интересно, — сказал он наконец, — а будут ли люди помнить о нашем Круглом Столе?

Мерлин не ответил. Голова его клонилась к белой бороде, кисти рук были сжаты коленями.

— Что же они будут за люди, Мерлин? — несчастным голосом воскликнул молодой человек.

11

Королева Лоутеана замкнулась у себя в покое, прервав всякие отношения со своими гостями, и Пеллинор совершил трапезу в одиночестве. Затем он пошел прогуляться по берегу, любовался чайками, что пролетали над ним подобно белым гусиным перьям с остриями, аккуратно обмакнутыми в чернила. Старые бакланы стояли, будто распятия, на камнях и сушили крылья. Он испытывал привычную грусть, но вместе с ней и чувство некоего неудобства, — ему словно недоставало чего-то. Чего именно — он не знал. Недоставало же ему Паломида и Груммора, но они как-то не приходили в голову.

В конце концов внимание его привлекли какие-то крики, и он отправился посмотреть, что там приключилось.

— Сюда, Пеллинор! Эгей! Мы здесь, наверху!

— В чем дело, Груммор? — с интересом спросил Король. — Чем это вы там, наверху, занимаетесь?

— Взгляните на Зверя, милейший, на Зверя взгляните!

— О, привет, так вы все же словили старушку Глатисанту?

— Дорогой мой, ради Неба, сделайте что-нибудь. Мы тут всю ночь проторчали.

— Но почему вы так одеты, Груммор? Это что на вас, пятна или что?

— Милейший, ну что вы стоите на месте и препираетесь?

— Но послушайте, Груммор, у вас же хвост. Вон он свисает сзади, я вижу.

— Конечно, у меня хвост. Вы не могли бы перестать болтать и что-нибудь сделать? Мы всю ночь провели в этой чертовой расщелине и валимся от усталости с ног. Давайте, Пеллинор, прикончите вашу Зверюгу, только сразу.

— Помилуйте, с какой это стати я стану ее убивать?

— Небеса милосердные, разве вы последние восемнадцать лет не пытались ее убить? Ну же, Пеллинор, действуйте, будьте добрым малым, сделайте что-нибудь. Если вы сию же минуту ничего не предпримете, мы оба сковырнемся отсюда.

— Я все-таки не возьму в толк, — задумчиво произнес Король, — зачем вы вообще полезли на утес? И почему на вас эта одежда? У вас такой

вид, как будто вы сами переоделись в какого-то Зверя. И кстати, моя-то Зверь откуда взялась, а? Я хочу сказать, все это так неожиданно.

— Пеллинор, последний раз спрашиваю, намерены вы прикончить эту Зверюгу?

— Но зачем?

— Затем, что она загнала нас сюда, на утес.

— Это для нее необычно, — заметил Король. — Как правило, она не проявляет к людям такого интереса.

— Паломид утверждает, — хрипло сказал сэр Груммор, — что с его точки зрения, она в нас влюбилась.

— Влюбилась?

— Ну, вы же видите, мы переоделись в Зверя.

— Подобному подобает подобное, — еле слышно пояснил сэр Паломид.

Короля Пеллинора начала понемногу одолевать смешливость — впервые со дня их появления в Лоутеане.

— Ну и ну! — сказал он. — Да благословит Господь мою душу! Это что-то неслыханное. А почему Паломид решил, что она влюбилась в него?

— Ваша Зверь, — с достоинством пояснил сэр Груммор, — целую ночь ходила под утесом кругами, терлась об него и мурлыкала. И время от

времени она изгибала шею и бросала на нас такие, знаете, особенные взгляды.

— Какие взгляды, Груммор?

— Дорогой мой, да вы сами на нее посмотрите.

Искомая Зверь, не обратившая ни малейшего внимания на появление своего господина, чувствительнейшим образом таращилась на сэра Паломида. Подбородок ее со страстной преданностью прижимался к подножью утеса, хвост временами подрагивал. Она мела им по гальке из стороны в сторону, и множество украшавших хвост геральдических кисточек и орнаментальных листочков издавали шелестящий шум. Время от времени Зверь лапкой скребла скалу и поскуливала. Затем, явственно устыдясь своей откровенности, она изгибала грациозную змеиную шею и прятала голову под брюхо, смущенно бросая оттуда взгляды.

— Хорошо, Груммор, и чего же вы от меня хотите?

— Мы хотим спуститься, — ответил сэр Груммор.

— Это я уяснил, — сказал Король. — По-моему, мысль самая разумная. Я, с вашего дозволения, как-то не совсем понимаю, с чего у вас тут все началось, что? — но вот это я уяснил, то есть

абсолютно.

— Так убейте Пеллинор. Убейте проклятую тварь.

— Нет, право, — сказал Король, — с чего бы вдруг! В конце концов, какой от нее вред? Весь мир любит влюбленных. Совершенно не понимаю, почему нужно убивать несчастное животное только за то, что его охватила нежная страсть. Я хочу сказать, я ведь и сам влюблен, ведь верно, что? Мы с ней вроде как товарищи по несчастью.

— Король Пеллинор, — решительно молвил сэр Паломид, — если быстро, и черт его знает как быстро, не будут предприняты какие-либо шаги, искренне ваш не замедлит погибнуть мучительной смертью, и мир праху его.

— Но Паломид, дорогой мой, я и не в состоянии убить несчастную старушку, у меня же меч тупой.

— Тогда оглушите ее мечом, Пеллинор. Дайте ей как следует по башке, авось, заработает сотрясение мозга!

— Груммор, дружище, вам легко говорить. А ну как оглушить ее не удастся? Она может выйти из себя, Груммор, и что тогда со мной будет? Я вообще никак не пойму, отчего это вы так жаждете каких-то насильственных мер? В конце концов,

она-то вас любит, верно ведь, что?

— Каковы бы ни были причины поведения этой твари, суть в том, что мы вынуждены сидеть здесь, на выступе.

— Так значит, все что вам требуется, это слезть с него.

— Любезнейший, как же мы слезем, когда она тут же на нас наскочит?

— Но ведь это будет всего только любовный наскок, — успокоительно сказал Пеллинор. — Вроде как ухаживание. Не думаю, что она причинит вам зло. Все, что вам нужно делать, — это идти впереди нее, пока не дойдете до замка, что? В сущности говоря, вы могли бы даже немного ее обнадежить. Всякому любо, когда ему отвечают взаимностью.

— Вы что же, — холодно осведомился сэр Грумор, — предлагаете нам флиртовать с этой вашей рептилией?

— Это, безусловно, облегчило бы вашу задачу. Я подразумеваю — возвращение в замок.

— И как же мы это проделаем, хотелось бы знать?

— Ну, как вам сказать. Паломид мог бы время от времени обвивать ее шею своей, а вы бы махали хвостом. Я так понимаю, что лизать ее в нос вам

не хочется?

— Искренне ваш, — немощно, но твердо и с отвращением произнес сэр Паломид, — не в состоянии ни обвиваться, ни лизаться. И кроме того, он сейчас упадет. Адью.

С этими словами он разжал обе руки, цеплявшиеся за край обрыва, да так бы и сгинул в пасти чудовища, когда бы сэр Груммор не изловчился его ухватить, а оставшиеся пуговицы не удержали бы его от падения.

— Вот! — сказал сэр Груммор. — Полюбуйтесь на вашу работу!

— Но дорогой мой друг…

— Я вам не друг и не дорогой. Вы попросту бросаете нас на погибель.

— Ох, да что вы!

— Да. Именно бросаете. Безжалостно. Король почесал в затылке.

— Пожалуй, — с сомнением сказал он, — я мог бы придержать ее за хвост, пока вы побежите к замку.

— Так придержите. Если вы сию минуту чего-нибудь не предпримете, Паломид рухнет, и нас разорвет напополам.

— И все равно я не понимаю, — печально сказал Король, — с чего это вам взбрело так одеваться.

Для меня это загадка.

— Однако, что ж, — сказал он, ухватывая Зверюгу за хвост, — давай-ка, старушка. Раз-два взяли! Всегда должно делать лучшее из дозволяемого обстоятельствами. А вы, двое, мчите во весь опор. Поторопитесь, Груммор, я по хвосту чувствую, что Зверь недовольна. Ах ты, паршивка, нельзя! Бегите, Груммор! Негодная тварь! Фу! Гадкая, гадкая! Нельзя! Да скорее же вы, скорее! Уходите! Не трогать! Ходу! Она вот-вот сорвется! А ну-ка, к ноге! К ноге! Рядом! Ах ты, дрянь! Быстрее, Груммор! Сидеть, сидеть! Лежать, Зверюга! Да как ты смеешь! Осторожнее, Груммор, она взяла след! Ах ты так? Ну вот! Она меня цапнула!

Двое рыцарей достигли подъемного моста, на полголовы опережая Зверюгу, и едва они его проскочили, как мост сейчас же поднялся.

— Уф! — сказал сэр Груммор, отстегивая заднюю половину костюма и распрямляясь, чтобы вытереть лоб.

— Тьфу! — воскликнули старые бабы, притащившие в замок яйца. Из людей, вхожих в замок, кое-кто кое-как говорил по-английски, включая Святого Тойрделбаха и Матушку Морлан,

— Ах ты склизкая, тряская, скрюченная Зверь! — произнес страж моста, — О, сколь ужас-

но дыханье твое!

— Изыди от нас! — добавили зрители,

— А сэр Паломид-то, красавчик, — говорили многие из Древнего Люда, осведомленные о всенощном сидении на утесе, но по обыкновению ничего не сказавшие из боязни выдать себя, — того и гляди ляжет да помрет.

Оборотившись, чтобы взглянуть на язычника, они увидали, что по сказанному и вышло. Сэр Паломид, даже не сняв с себя головы, пал на каменную колоду подъемника и лежал, еле дыша. Они стянули его с камня, выплеснули ему в лицо целый ушат воды и принялись обмахивать передниками.

— Ах, бедолага, — с состраданием говорили они, — Сассенах! Дикарь черномазый! Неуж не очухается? Ну-ка спрысни еще! Вот так спрыснул!

Сэр Паломид медленно приходил в себя, пуская из носу пузыри.

— Куда это искренне ваш попал? — спросил он.

— Мы здесь, старина. Мы все же вернулись. А Зверь осталась снаружи.

Утверждение сэра Груммора подкрепило долетевшее сквозь опускную решетку печальное подвывание — как будто тридцать пар гончих

псов завыли на луну, Сэр Паломид содрогнулся.

— Надо бы встать в дозор, посмотреть, не идет ли Король Пеллинор,

— Да, сэр Груммор, Дайте мне одну секундочку для восстановления сил.

— Зверь мог его изувечить.

— Бедняга!

— Вы-то как себя чувствуете?

— Недомогание минует, — отважно вымолвил сэр Паломид.

— Нам нельзя попусту тратить время. Может статься, в этот самый миг Зверь пожирает Пеллинора.

— Ведите меня, — сказал язычник, с трудом поднимаясь на ноги. — Вперед, на бастионы.

И все сообщество полезло вверх по узким лестницам дозорной башни.

Под ними в овраге, с одной стороны защищавшем замок, виднелась Искомая Зверь, казавшаяся отсюда маленькой и какой-то перевернутой. Она сидела на валуне, полоща в ручье хвост, и, склонив на сторону голову, не отводила глаз от подъемного моста. Из пасти ее свисал язык. Пеллинора же нигде не наблюдалось.

— Очевидно, она не пожирает его, — сказал сэр Груммор.

— Если только уже не пожрала.

— Не думаю, старина, чтобы у нее хватило на это времени, как-то оно непохоже.

— Если поразмыслить, то должны были бы остаться какие-то кости или еще что. Ну, хотя бы доспехи.

— Безусловно.

— И как вы считаете, что нам следует делать?

— Это сложный вопрос.

— Не полагаете ли вы, что нам должно произвести вылазку?

— Мы могли бы переждать, Паломид, посмотреть, что будет дальше, — а по-вашему как?

— Никаких купаний, — согласился сэр Паломид, — пока не выяснен брод.

Прождав вместе с рыцарями часа полтора, конгрегация Древнего Люда наскучила отсутствием развлечений и со стуком повалила по лестницам вниз, намереваясь, взобравшись на стену, пошвырять камнями в Искомую Зверь. Двое рыцарей остались в дозоре.

— Хорошенькая получается история.

— Действительно так.

— Я хочу сказать, если как следует в ней разобраться.

— Точно.

— С одной стороны Королева Оркнея на что-то дуется, — я не мог не заметить, что охота на единорога как-то странно на нее повлияла — с другой нюнит Пеллинор. Да и вы, как считается, влюблены в Изольду Прекрасную, верно? А теперь еще эта Зверь к нам прицепилась.

— Запутанная ситуация.

— Любовь, как о ней подумаешь, — с натугой сказал сэр Груммор, — очень сильное чувство.

Именно в это мгновение — как бы в подтверждение слов сэра Груммора — на дороге, шедшей от скал, появились две неспешно бредущие в обнимку фигуры.

— Силы небесные, — воскликнул сэр Груммор, — а это еще кто такие?

Фигуры приближались и становились все различимее. Одной из них оказался Король Пеллинор. Рука его обвивала талию коренастой, средних лет дамы в юбке для верховой езды. У дамы было красное, лошадиное лицо, в свободной руке она сжимала арапник. Волосы были собраны в узел.

— Да это, никак, дочь Королевы Фландрии!

— Я говорю, вы, двое, — едва завидя рыцарей, закричал Король Пеллинор. — Я говорю, посмотрите! Кто это, по-вашему, можете догадаться?

Нет, вы только подумайте, что? Как по-вашему, кого это я отыскал?

— Ага! — гулко крикнула коренастая дама, пристукнув себя по щеке рукоятью арапника. — Это еще кто кого отыскал!

— Ну да, я знаю! Это вовсе не я ее отыскал, а она меня! Ну, что вы об этом думаете? И знаете что? — продолжал распираемый восторгом Король. — Ни на одно мое письмо и невозможно было ответить! Я на них адреса не ставил! У нас же не было адреса! То-то я все время чувствовал, что в них что-то не так! Ну вот, Свинка и вскочила на коня и давай рыскать за мною по горам да болотам! А Искомая Зверь очень ей помогала — у нее же отличнейший нюх, — да и эта волшебная барка тоже оказалась себе на уме, потому что, увидев, в какой я пребываю печали, она воротилась назад, за ними! Они на нее наткнулись в какой-то бухте и тут же — раз и сюда!

— А чего ж мы стоим? — кричал Король, не давая никому вставить ни слова. — Я хочу сказать, чего мы так надрываемся? Это что, по-вашему, вежливо? Давайте, вы, двое, сойдите вниз и впустите нас, А кстати, что такое с мостом — сломался?

— Это все Зверь, Пеллинор, Зверь! Она в овра-

ге.

— А что с ней такое?

— Она осаждает замок.

— Ах да, — сказал Король. — Теперь вспомнил. Она же меня укусила. И что бы вы думали, — продолжал он, взмахивая рукою по воздуху, дабы показать, что она забинтована, — Свинка перевязала меня, я и моргнуть не успел, перевязала куском этой, как ее… ну, сами знаете!

— Нижней юбки, — бухнула дочь Королевы Фландрии.

— Да-да, своей нижней юбки! Короля скрючило смехом.

— Все это очень хорошо, Пеллинор, очень хорошо. Но что вы намерены предпринять относительно Звери?

Но Его Величество обуревало веселье.

— Подумаешь, Зверь! — вскричал он. — Она вам мешает? Я с ней быстро управлюсь.

— А ну-ка! — закричал он, подходя к краю оврага и размахивая мечом. — А ну-ка! Пошла! Кыш! Кыш!

Искомая Зверь окинула его отсутствующим взором. Она шевельнула хвостом — неуверенный жест узнавания, — а затем вновь сосредоточила свое внимание на наворотном покое. Редкие

камни, которыми швыряли в нее Древние Люди, она ловко ловила и проглатывала на способный довести до белого каления манер отгоняемой курицы.

— Опускайте мост! — приказал Король. — Я ею займусь! Кыш отсюда, кыш!

Мост с некоторой неуверенностью стал опускаться, и Зверюга немедленно подобралась поближе к нему, причем на морде ее выразилась надежда.

— А теперь, — закричал Король. — Беги внутрь, а я прикрою отход.

Мост коснулся земли, и Свинка понеслась по нему еще до того, как он толком улегся. Король Пеллинор, менее проворный или более замороченный нежными чувствами, налетел на нее прямо в воротах. Сзади в них врезалась Искомая Зверь, и Король полетел на землю.

— Берегись! Берегись! — завопили вассалы, рыбные торговки, сокольничие, кузнецы, лучники и прочие доброхоты, собравшиеся внутри.

Дочь Королевы Фландрии оборотилась, словно тигрица, обороняющая тигренка.

— Сгинь, бесстыжая потаскуха! — рявкнула она и ткнула арапник бедной твари под нос. Искомая Зверь отпрянула, из глаз ее брызнули

слезы, и опускная решетка с треском рухнула между ними.

К вечеру начал назревать новый кризис. Стало очевидным, что Глатисанта вознамерилась осаждать замок до поры, покамест не выйдет ее избранник, а в таких обстоятельствах Древний Люд, носивший яйца на рынок, отказывался покидать ворота без вооруженной охраны. Пришлось трем южным рыцарям сопровождать их конвоем к подножью замкового утеса с обнаженными мечами в руках.

Посреди деревенской улицы их поджидал, чтобы перенять конвой, Святой Тойрделбах — беспутный Силен, подпираемый четырьмя мальчуганами. Дыхание его наполнял резкий запах виски, он пребывал в неистовом расположении духа и вовсю размахивал палицей.

— И ни одной истории больше! — орал он. — Разве я не собираюсь жениться на старой Матушке Морлан, — вот сей минут додерусь с Дунканом и никогда больше не буду святым!

— Поздравляем! — в сотый раз повторили дети.

— А у нас тоже все хорошо, — добавил Гарет. — Нам разрешили каждый день прислуживать за обедом.

— Слава да почиет на Господе! Значит, каждый день, попрошайка?

— Да, и матушка ходит с нами гулять.

— Ну, вот и ладно. Восхвалим молодость, она и придет!

Тут святой приметил конвой и взвыл, как ирокез:

— Мятежники!

— Успокойтесь, — говорили они ему. — Успокойтесь, Святой Отец. Эти мечи совсем не для драки.

— Это что же так? — спросил он разгневанно и кинулся целовать Короля Пеллинора и дышать на него.

Король сказал:

— Я говорю, вы действительно собрались жениться? Я тоже. Волнуетесь?

Вместо ответа святой человек обнял Короля обеими руками за шею и поволок его в самодельный кабак Матушки Морлан — чем Пеллинора не очень обрадовал, ибо ему не терпелось поскорее вернуться к Свинке, — впрочем, необходимость прощальной пирушки была очевидна. Весь гаэльский миазм расточился, словно туман, каковым он и был, под воздействием то ли любви, то ли виски, а может быть, вследствие собственной

туманной природы, — и трое южан обнаружили, что, не взирая на расовую травму, теплое сердце Севера приняло их в себя, признав в них и человеческих существ, и гостей.

12

Бедегрейнская битва состоялась близ Сурхота, что в Шервудском лесу, в Троицыно воскресение. То была решающая битва, ибо в некоторых отношениях она представляла собой — с поправкой на двенадцатый век — эквивалент того, что стало впоследствии называться «тотальной войной».

Одиннадцать Королей изготовились биться со своим сувереном по-норманнски — на отдающий лисьей охотой манер Генриха II и его сыновей; цели у них были спортивные и приобретательские, и они вовсе не собирались причинять кому-либо особые телесные повреждения. Разумеется, они — сиречь короли и их танкообразные рыцари из благородного сословия — готовы были к определенному риску: спорт есть спорт. То есть к риску того рода, о котором говорит нам Джоррокс. Король Лот вполне справедливо мог бы сказать, что возглавляемый им мятеж против Артура являл собою точную копию охоты на лис, но без присущего ей чувства вины и всего лишь при двадцати пяти процентах сопряженного с нею риска.

Впрочем, и Одиннадцати Королям нужно было

чем-то оттенить свои доблести. Даже если рыцари не испытывали особого желания убивать друг друга в больших количествах, не имелось причин, по которым им следовало воздержаться от истребления сервов. По их представлениям, охота была б не охота, если бы по ее завершении нечего оказалось счесть в ягдташе.

Стало быть, война, в которой намеревались сражаться мятежные лорды, представляла собой своего рода двойную битву, или войну в войне. Во внешнем ее круге находилось шестьдесят тысяч вооруженных кто как крестьян-пехотинцев, маршрующих вослед за Одиннадцатью, — в этом плохо вооруженном сброде трагедия гаэлов возбуждала пылкую ненависть к двадцати тысячам сассенахов Артуровой армии. Между двумя армиями существовала серьезная расовая вражда. Но вражда эта направлялась сверху — благородными лордами, отнюдь не жаждавшими крови друг друга. Армии изображали собой, так сказать, своры гончих, соревнующихся одна с другой под руководством Владельцев Псовой Охоты, воспринимающих всю забаву как возбуждающую игру. Если бы гончие, скажем, вдруг взбунтовались, Лот и его союзники с готовностью поскакали бы плечом к плечу с рыцарями Артура на подавле-

ние того, что они сочли бы истинным мятежом.

В определенном смысле благородные лорды внутреннего круга, к какой бы из сторон они ни принадлежали, традиционно относились друг к другу с большим дружелюбием, чем к собственным солдатам. Сколь можно большое число убитых представлялось им необходимым и с охотничьей точки зрения, и для пущей живописности происходящего. По их понятиям, добрая война — это такая, в которой «руки, плечи и головы летают над полем боя, и звон ударов отдается по водам и весям». При этом руки и головы должны принадлежать вилланам, ударами же, что звенят, не отсекая особого количества членов, надлежит обмениваться железным лордам. Так, во всяком случае, представляла себе сражение команда, состоявшая под началом у Лота. А после того как достаточное количество мужланов лишится голов и английским военачальникам в достаточной мере намнут бока, Артур признает невозможность дальнейшего сопротивления. Он капитулирует. Затем можно будет обговорить финансовые условия мира — что принесет, в виде выкупов, отменную прибыль — и все останется более или менее по-старому, разве что уничтожится фикция, именуемая «феодальный

властитель», так она все равно была фикцией.

Естественно, такого рода войну полагалось проводить в согласии с этикетом, точно так же, как охоту на лис. Начинаться ей следовало в заранее назначенном месте да еще при наличии хорошей погоды, а протекать — в соответствии с признанным прецедентом.

Однако в голове у Артура обосновалась иная идея. В конечном итоге он не усматривал никаких спортивных достоинств в том, что восемьдесят тысяч простых людей будут биться друг с другом, в то время как мизерная часть от этого числа, упрятавшись в панцири, схожие с танковой броней, примется маневрировать в ожидании выкупов. Ему представлялось, что руки и головы обладают определенной ценностью — и не меньшей, чем та, какую числили за ними их обладатели, пусть даже обладатели эти были сервами. Мерлин научил его не доверяться логике, в соответствии с коей деревни надлежит разграбить на предмет приобретения фуража, землепашцев пустить по миру, а солдат перебить, и в итоге ему же и придется оплачивать причиненный ущерб, как мифическому Ричарду Львиное Сердце.

Король Англии приказал, дабы в его битвах никаких выкупов не было. Его рыцарям надлежало

сражаться не с плохо вооруженной пехотой, но с рыцарями Гаэльской Конфедерации. Пехотинцы пусть бьются друг с другом — и более того, поскольку им предстоит выяснить, кто настоящий агрессор, пусть их бьются в полную меру своих способностей. Что же до лордов, им надлежит нападать на лордов из стана мятежников так, словно перед ними пехота и ничто иное. Им не должно ни принимать каких-либо предварительных соглашений, ни соблюдать балетных правил. Войну с теми, кто ее развязал, надлежит доводить до конца, — пока они сами не ощутят потребности воздерживаться от военных действий, столкнувшись с тем, что в действительности представляет собой война.

В дальнейшем, — теперь он знал это точно — ему предстоит всю свою жизнь смирять самых разных носителей извращенного чувства чести, угрожая им Силой.

Так что мы вполне можем поверить, что воины Короля стремились в ночь перед битвой получить отпущение грехов. Кое-какие из идей юного Короля нашли дорогу к умам его солдат и командиров. Кое-какие из идеалов Круглого Стола, которому еще предстояло рождаться в муках, кое-что касательно ненавистных и опас-

ных деяний, совершение коих необходимо во имя добра, — ибо они сознавали, что битва будет кровавой, смертельной и лишенной надежд на вознаграждение. Им не предстояло выиграть ничего, кроме лишенного продажной цены сознания долга, выполненного, несмотря на страх, — то есть чего-то такого, что люди безнравственные часто замарывают, именуя, с несколько чрезмерными чувствами, славой. Эта идея укоренилась в сердцах молодых мужчин, стоявших на коленях перед раздающими милость Божию епископами и знающих, что соотношение сил составляет три к одному и что теплые их тела к закату, может быть, уже охладеют.

Артур начал с жестокого поступка и продолжал совершать таковые. Первый состоял в том, что он не стал дожидаться положенного часа. Ему следовало начать торжественный вывод войска на битву с Лотом сразу же после завтрака, а затем, к полудню, когда ряды бойцов будут должным образом выстроены, подать сигнал к началу сражения. Подавши сигнал, он должен был бросить своих рыцарей на пехотинцев Лота, в то время как рыцари Лота напали бы на его пехотинцев, — в итоге получилась бы отличнейшая резня

Вместо этого он атаковал ночью. В темноте,

издавая боевой клич — достойный сожаления, неджентльменский тактический ход, — он обрушился на лагерь мятежников, и кровь билась в венах на его шее, и Экскалибур плясал в его руке. Он понимал, что силы противника втрое превосходят его силы. Даже у одного короля из одиннадцати — у Короля-с-Сотней-Рыцарей — число подчиненных составляло две трети от числа, до которого когда-либо удавалось дорасти рыцарству Круглого Стола. И кроме того, не Артур затеял эту войну. Он сражался в своей стране, в сотнях миль от своих границ, против агрессора, коего он никак не спровоцировал.

Рушились шатры, взлетало пламя факелов, выпархивали из ножен клинки, и рев битвы мешался с удивленными пенями. Гул, казнимые и казнящие демоны среди отблесков пламени, — какие сцены происходили некогда в Шервуде, там, где ныне дубы теснятся в тени!

Начало было мастерское, и оно привело к успеху. Одиннадцать Королей и их бароны были уже в латах — на полное оснащение благородного лорда уходило так много времени, что он зачастую облачался в доспехи вечером накануне сражения. Если б не это, Артур мог бы одержать почти бескровную победу. Взамен нее он захватил

инициативу и инициативу удерживал. Рыцари Древнего Люда плечом к плечу пробивались сквозь разрушенный лагерь. Им удалось соединиться в тяжеловооруженное подразделение — по-прежнему в несколько раз превосходившее количеством латников все, что мог выставить против него Король, — но им недоставало привычного заслона из пешего воинства. Времени на организацию этого заслона не было, те же из пехотинцев, что остались при лордах, были либо деморализованы, либо лишены командиров. Артур свою пехоту отдал под начало Мерлина, чтобы она вела пеший бой вокруг лагеря, а кавалерию бросил против собственно рыцарей. Ему удалось обратить их в бегство, и он понимал, что следует в этом состоянии их и поддерживать. Они гневались и удивлялись тому, что представлялось им нерыцарственным покушением на их особы, возмутительным покушением с определенно кровожадными намерениями, — как будто баронов можно убивать, как каких-нибудь мужланов-саксов.

Второй жестокий поступок Короля состоял в том, что он пренебрег пехотинцами. Эту сторону битвы, — расовую борьбу, имевшую определенные реальные основания, пусть даже и дурные,

он предоставил самим расам, — пехоте под водительством Мерлина, оставшейся драться в лагере, из которого уже вынесло кавалерию. Там, среди шатров, на каждого галла приходилось по три гаэла, но гаэлы были застигнуты врасплох. Артур не желал им никакого вреда, гнев его был обращен на вождей, задуривших их и без того не очень ясные головы, но он понимал, что им следует дозволить вести их собственное сражение. Он лишь надеялся, что сражение это завершится победой его войска. Ему же тем временем надлежало заняться вождями — и когда занялась заря, жестокость его поступков стала для них очевидной.

Ибо Одиннадцать Королей сумели-таки собрать некое подобие пешего заслона, за которым они намеревались ожидать его нападения. Ему полагалось наброситься на этот заслон, образованный охваченными страхом людьми, и поубивать этих людей сколь возможно больше. Он же ими попросту пренебрег. Он проскакал сквозь пехоту так, словно она была вовсе не вражеской, — не потрудившись нанести ни единого удара, — и обрушился на тяжеловооруженное ядро. Пехота, со своей стороны, приняла его милосердие с несколько даже чрезмерной благодарностью.

Она повела себя так, словно ей не была отпущена высокая честь умереть за Лоутеан. Дисциплина, как говорили впоследствии генералы мятежников, была далеко не пиктская.

Атаки начались на рассвете.

Быть может, вам доводилось видеть, как атакует конница, — на каких-нибудь показательных военных учениях или на праздничных представлениях исторических сцен. Если так, вы знаете, что слово «видеть» тут не вполне годится. Вернее сказать: «слышать» — гром, землетрясение, ураганная пальба пышущих ярым сандаловым огнем батарей! Все так, и, однако же, это вы себе представили кавалерийскую атаку, не рыцарскую. Вообразите теперь, что кони вдвое превосходят по весу слабоуздых скакунов наших полуночных празднеств, и наездники их вдвое тяжелее из-за щитов и доспехов. Добавьте к звону упряжи кимвальное бряцание сшибающихся доспехов. Обратите воинскую форму в зеркала, сверкающие под солнцем, а пики — в стальные копья. Копья то взмывают, то клонятся. Земля дрожит под ногами. Комья взлетают из-под копыт, и глубокие отпечатки подков остаются в земле. Всего страшнее не воины, не мечи их, ни даже копья, всего страшнее копыта. Так выглядит

атака этой неупорядоченной железной фаланги, налетающей развернутым строем, неотвратимой, сокрушительной, грохочущей громче любых барабанов, в пыль разбивающей землю.

Рыцари Конфедерации сдерживали этот натиск, как могли. Они стояли, отвечая ударами на удары. Однако новизна положения, в котором они, несмотря на их ранг, стали объектом жестокости, новизна положения, в котором крупные силы раз за разом подвергаются заносчивым наскокам со стороны сил, в четверо, если не в пятеро, меньших, — все это сказалось на их моральном духе. Они подались перед натиском: еще сохраняя порядок, они все-таки отступили, — и их погнали прогалиной Шервудского леса, широкой прогалиной, похожей на травянистое русло реки с деревьями по берегам.

На этой стадии битвы многим довелось показать чудеса воинской доблести. Сам Король Лот преуспел в схватках с сэром Мелиотом де ла Рош и с сэром Клариансом. Кэй сокрушил его, но он снова сел на коня, лишь для того, чтобы получить рану в плечо от самого Артура, который появлялся повсюду, юный, торжествующий, разгоряченный до крайности.

Лот-генерал был, по-видимому, чрезмерным

приверженцем дисциплины да к тому же еще трусоватым. Но при всем его пристрастии к формальностям, в тактике он разбирался. К полудню он, похоже, понял, что столкнулся с новым способом ведения военных действий, требующим новых способов обороны. Стало очевидным, что демонов Артуровой кавалерии выкупы не интересуют и что они готовы так и биться головами о стену его войска, пока стена эта не рухнет. И Лот решил их измотать. На торопливом военном совете, состоявшемся за линией сражения, было решено, что Лот с четырьмя другими королями и половиной обороняющихся отойдет вдоль прогалины назад, чтобы подготовить позицию. Остающейся шестерки королей хватит, чтобы сдержать англичан, пока люди Лота отдохнут и заново воссоздадут боевые порядки. Затем, когда позиция будет готова, шестеро королей авангарда отойдут за нее отдыхать, оставив впереди Лота.

Армия соответственно разделилась.

Этот миг разделения Артур и счел той самой возможностью, которой он ожидал. Посланный им конюший галопом ускакал за деревья. Артур заключил договор о взаимной поддержке с двумя французскими королями, которых звали Бан и Боре, и оба его союзника прибыли к нему на по-

мощь из Франции примерно с десятью тысячами воинов. Французов спрятали по обе стороны от прогалины в виде резерва. Именно в их сторону Король и пытался оттеснить врага. Конюший ускакал, за пышными дубами замерцали доспехи, и Лота вдруг осенило, что он попал в ловушку. Но он смотрел лишь на один край прогалины, откуда на его фланг уже надвигался Боре, и не сознавал покуда, что с другой стороны к нему подбирается Бан.

На этой стадии у Лота стали сдавать нервы. Он был ранен в плечо, он столкнулся с врагом, видимо, считавшим смерть джентльмена естественной частью войны, а теперь еще и попал в засаду.

— О, сохрани нас от гибели и ужасных увечий, — как сообщают, сказал он, — ибо я хорошо вижу, что великая опасность смерти грозит нам.

Он отправил Короля Карадоса с сильным полком навстречу Королю Борсу и только тогда обнаружил, что второй конюший спустил на него Короля Бана с противоположной стороны. Он еще сохранял численное превосходство, но твердость утерял окончательно. «А! — сказал он герцогу Камбенету, — значит, быть нам побежденными». Предполагается даже, что он заплакал «от жало-

сти и сострадания».

Сам Карадос был повергнут наземь, а полк его рассеян. Атаки Артура заставили отступить шестерых королей. Лот с дивизией короля Морганора развернулся, чтобы сдерживать Короля Бана, ударившего ему во фланг.

Удержись дневной свет еще на час, и с мятежом было бы покончено в тот же день. Но солнце село, спасая Древний Люд, а луны о ту пору не было. Артур отозвал свое войско, справедливо решив, что мятежники деморализованы, и дозволил своим воинам отоспаться — с теми удобствами, какие способны были предоставить им доспехи, — выставив немногих, но бдительных часовых.

Изнуренная армия его врагов, всю предыдущую ночь проигравших в кости, и эти ночные часы проводила без сна, не выпуская из рук оружия и держа военные советы. Как и во всех армиях горцев, когда-либо вторгавшихся в Страну Волшебства, командиры ее не питали доверия друг к другу. Они ожидали новой ночной атаки. Пережитое вселило в них страх. Они разошлись во мнениях касательно капитуляции и необходимости дальнейшего сопротивления. И лишь перед самой зарей Король Лот сумел настоять на своем.

По его приказу остатки пеших полков были отогнаны в сторону, словно скот, — блуждать по лесу или уносить голые ноги куда придется. Рыцарям же предстояло сбиться в одну фалангу, дабы отражать атаки, а всякого, кто после этого побежит, следовало расстреливать на месте за трусость.

Утром, почти перед тем как они построились, Артур вновь обрушился на них. В соответствии со своей тактикой, он выслал на них для начала малый отряд, всего в сорок копий. Эти люди, ударная команда отборных рыцарей, возобновили атаки, прерванные накануне вечером. Раз за разом они налетали легким галопом, прорывали вражеские ряды или смешивали их и, перестроившись, возвращались. Упорствующее подразделение врага под их натиском подавалось назад, угрюмое, обескураженное, утратившее боевой дух.

В полдень трое союзных королей всеми своими силами нанесли завершающий удар. На миг все с громовым шумом смешалось, взвились на воздух поломанные копья, и пока они возвращались, кони месили воздух копытами. Вопль сотряс лес. И затем над истоптанной травой со следами копыт и разбитым дерном, с обломками оборонительного оружия, повисла неестественная тишина.

Какие-то всадники ехали по траве, бесцельно, как на прогулке. Но никаких упорядоченных следов гаэльского рыцарства видно уже не было.

Мерлин повстречал Короля, когда тот возвращался верхом из Сурхота, — волшебник выглядел усталым, он тоже еще не сходил с коня На нем была кольчуга без рукавов — доспех пехотинца, — которую он вытребовал себе перед битвой. Он сообщил, что пешие кланы просят о капитуляции.

13

Несколько недель спустя Король Пеллинор сидел со своей нареченной на вершине утеса, освещенного сентябрьской луной, и смотрел на море. Вскоре им предстояло отправиться в Англию и там пожениться. Рука Короля обвивала ее талию, а ухо прижималось к ее макушке. Окрестного мира они не замечали.

— Но Дорнар такое забавное имя, — говорил Король. — Понять не могу, как это ты до него додумалась?

— Да ведь это ты придумал его, Пеллинор.

— Я?

— Да. Агловаль, Персиваль, Ламорак и Дорнар.

— Они будут как херувимы, — с жаром сказал Король. — Как херувимы! А что такое херувимы?

Древний замок высился среди звезд у них за спиной. Еле слышные крики доносились с верхушки Круглой Башни, где Груммор и Паломид пререкались с Искомой Зверью. Она по-прежнему любила своего самозванца и по-прежнему держала замок в осаде — снятой всего на несколько часов в тот день, когда Лот воротился домой со

своей разгромленной армией. Английские рыцари очень удивились, узнав, что все это время они пребывали с Оркнеем в состоянии войны, однако что-либо предпринимать по этому поводу теперь было уже поздновато, ибо война закончилась. Теперь все сидели внутри, мост постоянно был поднят, а Глатисанта возлежала в свете луны у подножия башни, и голова ее отблескивала серебром. Убивать ее Пеллинор отказался.

Как-то после обеда вдруг объявился Мерлин, шедший пешком на север с рюкзачком вроде ранца и в паре чудовищных башмаков. Он был гладок, бел и весь сиял, словно угорь, приготовляющийся к свадебному путешествию в Саргассово море: близилось время Нимуи. Но он оставался все таким же рассеянным и никак не мог припомнить одной вещи о которой обязан был рассказать своему ученику, а потому историю местных затруднений слушал вполуха.

— Прошу прощения, — кричали они со стены, пока волшебник стоял снаружи, — это насчет Искомой Звери. Королева Лоутеана и Оркнея страшно гневается из-за нее.

— А вы уверены, что из-за нее?

— Определенно, дорогой друг. Видите ли, она нас держит в осаде.

— Мы с ним переоделись в некое подобие Зверя, уважительный сэр, — жалобно голосил сэр Паломид, — и она увидела, как мы входим в замок. Налицо признаки, э-э-э, пылкой привязанности. Теперь эта тварь не уходит, потому что верит, что ее самец сидит внутри, и оттого опускать мост крайне небезопасно.

— А вы бы лучше объяснили ей все. Вышли на укрепления и объяснили, что она ошибается.

— Думаете, она поймет?

— В конце концов, — сказал волшебник, — это же волшебный зверь. Так что дело вполне возможное.

Но ничего из их объяснений не вышло. Она глядела на них так, словно подозревала их во вранье

— Послушайте, Мерлин. Постойте, не уходите.

— Мне пора, — отвечал он рассеянно. — Я должен что-то где-то сделать, но только не помню — что. А пока мне следует продолжать мой поход. Я должен встретиться в Северном Хумберланде с моим наставником Блейзом, чтобы мы могли занести сражение в хронику, потом нам предстоит немного понаблюдать диких гусей, а после этого, — нет, не могу припомнить.

— Но Мерлин, Зверь не хочет нам верить!

— Не обращайте внимания, — голос его оставался неуверенным и тревожным. — Не могу останавливаться. Простите. Извинитесь за меня перед Королевой Моргаузой, ладно? И скажите, что я справлялся о ее здоровье.

Он приподнялся на носки и начал вращаться, намереваясь исчезнуть. Не так уж и много ходил он пешком в своем пешем походе.

— Мерлин, Мерлин! Погодите немного!

На миг он снова возник и спросил раздраженно:

— Ну? В чем дело?

— Зверь не поверила нам. Что же нам делать? Он нахмурился.

— Примените психоанализ, — сказал он наконец, вновь принимаясь вращаться.

— Но подождите же, Мерлин! Как его применять-то?

— Стандартным методом.

— Да в чем же он состоит? — в отчаянии закричали они.

Мерлин исчез совсем, но голос его еще задержался в воздухе.

— Просто выясните, что ей снится, ну, и так далее. Объясните ей простые факты жизни. Только не увлекайтесь слишком идеями Фрейда.

Вот после этого Груммору с Паломидом и приходилось лезть вон из кожи — оттеняя счастье Короля Пеллинора, не желавшего возиться с пустяковыми проблемами.

— Так вот, понимаешь, — надрывался сэр Груммор, — когда курица сносит яйцо.

И сэр Паломид, перебивая его, лез с объяснениями касательно пестиков и тычинок.

Внутри замка, в королевском покое Дозорной Башни, лежали в двойной кровати Король Лот и его супруга. Король спал, утомленный усилиями, которых требовало от него писание военных мемуаров. Да и не было у него особой причины бодрствовать. Моргауза лежала без сна.

Завтра она отправлялась в Карлион на свадьбу Пеллинора. Она отправлялась, как объяснила она мужу, в качестве своего рода посланца, — с тем, чтобы вымолить ему прощение. С собой она забирала детей.

Лот, услышав об этой поездке, рассердился и хотел ее запретить, но супруга знала, как с ним управиться.

Королева беззвучно выбралась из кровати и подошла к своему сундуку. С тех пор как армия возвратилась, ей много нарассказали об Артуре — о его силе, обаянии, невинности, великодушии.

Величие его явственно проступало даже сквозь покровы, наброшенные завистью и подозрительностью тех, кого он одолел. Также ходили разговоры и о девице по имени Лионора, дочери графа Санам, с которой, как уверяли, у молодого человека роман. В темноте Королева открыла сундук и постояла с ним рядом в пятне падавшего из окна лунного света, держа в руках некую полоску. Последняя смахивала на тесьму.

Эта полоска представляла собой колдовское приспособление для магии, не столь жестокой, как та, с черной кошкой, но еще более отвратительной. Оно называлось «путы», — совсем как веревка, которой стреножат домашних животных, — таких вещиц немало хранилось в потайных сундуках Древнего Люда. Предназначалось оно скорее для ворожбы, чем для серьезной магии. Моргауза добыла его из тела солдата, привезенного мужем домой для похорон на Внешних Островах.

Тесьма была из человеческой кожи, и вырезалась она так, чтобы вышел силуэт покойника. Это означает, что вырезать ее надлежало, начиная с правого плеча, и нож — с двойным лезвием, чтобы вышла лента, — должен был пройти по наружной стороне правой руки, затем, словно

бы вслед за перчаточным швом, вверх и вниз по каждому пальцу и далее тыльной стороною руки вверх до подмышки. Потом он спускался по правому боку вниз, огибал ногу, поднимался к промежности — и так далее, пока не заканчивал круга на том же плече, с которого начал. Получалась такая длинная лента.

Использовали же «путы» следующим образом. Нужно было застать человека, которого вы любите, спящим. Затем нужно было, не разбудив его, набросить «путы» ему на голову и завязать бантиком. Если он в это время проснется, то не позже, чем через год, его постигнет смерть. Если же не проснется до самого конца операции, тогда ему ничего не останется, как вас полюбить.

Королева Моргауза стояла в свете луны, протягивая «путы» между пальцами.

Четверка детей тоже бодрствовала, но не в своей спальне. Во время королевского обеда они подслушивали на лестнице и потому знали, что отправляются вместе с матерью в Англию.

Они находились в крохотной Церкви Мужей — часовне, которой было столько же лет, сколько христианству на островах, хотя имела она в длину и в ширину не более двадцати футов. Построена часовенка была из нетесаного кам-

ня, как и огромная крепостная стена, и лунный свет проходил сквозь единственное окно, незастекленное, чтобы упасть на каменный алтарь. Купель для святой воды, на которую падал свет, была выдолблена в грубом камне, под пару ей была и вырезанная из кремня крышка.

Дети Оркнея стояли, преклонив колени, в доме своих предков. Они молились о том, чтобы им выпало счастье хранить верность их любящей матери, чтобы они оставались достойными вражды Корнуолла, которой она их учила, и чтобы им никогда не довелось забыть туманную землю Лоутеана, в которой царствовали их отцы.

За окном торчком стоял в темном небе месяц, похожий на краешек ногтя, срезанный с пальца для колдовства, и явственно различался на фоне небес флюгер в виде вороны со стрелою в клюве, нацеленной на юг.

14

На счастье сэра Паломида и сэра Груммора Искомая Зверь вняла голосу разума в самый последний миг, перед тем как кавалькада выступила из замка, — если б не это, им пришлось бы остаться в Оркнее и пропустить королевское бракосочетание. И то они ее уламывали целую ночь напролет. Зверь пришла в себя совершенно внезапно.

Впрочем, не без побочных эффектов, ибо она перенесла свою привязанность на преуспевшего аналитика, Паломида, — что частенько случается в психоанализе, — и полностью утратила интерес к своему прежнему господину. Король Пеллинор, повздыхав о старых добрых денечках, поневоле уступил права на нее сарацину. Вот почему, хоть Мэлори и ясно говорит нам, что лишь Пеллинор может ее настигнуть, в последних книгах «Смерти Артура» мы постоянно видим, как за ней гоняется сэр Паломид. В любом случае, особой разницы в том, кто ее может настигнуть, а кто не может, нету, все равно никто не настиг.

Долгий переход на юг, к Карлиону, с мерно

раскачивающимися паланкинами и трясущимся в седлах конным эскортом под вьющимися флажками, возбуждал во всех волнующие чувства. Небезынтересное зрелище представляли собой и сами паланкины. Это были обыкновенные тележки со своего рода флагштоками спереди и сзади. Между флагштоками подвешивался гамак, в котором тряска почти не ощущалась. Двое рыцарей ехали за королевской повозкой, радуясь, что им все-таки удалось выбраться из замка и что теперь они попадут на королевскую свадьбу. За ними следовал Святой Тойрделбах с Матушкой Морлан — свадьба предстояла двойная. Сзади тащилась Искомая Зверь, не спуская глаз с Паломида, — из опасения, что ее опять бросят.

Все святые вылезли из своих ульев посмотреть, как они отъедут. Все фоморы, Фир Волг, Племена богини Дану, Древний Люд и прочие без малейшей подозрительности махали им руками с утесов, из плетеных лодчонок, с гор, из болот и из-под раковинных куч. Благородные олени и единороги все до единого выстроились по вершинам холмов, чтобы пожелать им доброй дороги. Крачки с раздвоенными хвостами, поднявшись над устьем реки, прощались с ними визгливыми криками, словно бы изображая сцену отплытия

судна из какой-то радиопьесы; белобрюхие каменки и коньки перепархивали за их спинами с одного куста утесника на другой; орлы, сапсаны, вороны и галки описывали над ними круги; торфяной дым летел им вослед, будто норовя в последний раз ударить в их ноздри; огамические камни, потайные ходы и береговые форты напоказ выставляли под сверкающее солнце свою доисторическую каменную кладку; лососи и сельди высовывали из воды лоснистые головы; и в общий хор вливались горы, ущелья и вересковые склоны прекраснейшей на свете страны, — и сама душа гаэльского мира кричала мальчикам самым звучным из голосов, доступных эльфам: «Помните нас!»

Если путешествие взволновало детей, то столичных чудес Карлиона хватило, чтобы у них занялось дыхание. Там, вокруг Королевского замка, шли улицы — не просто улица, одна-единственная, — стояли замки суверенных баронов, монастыри, часовни, храмы, рынки, купеческие дома. На улицах толклись сотни людей, все одетые в синее, красное, зеленое и в иные яркие цвета; они несли в руках корзины с купленными товарами, или гнали перед собой стада шипящих гусей, или просто метались туда-сюда (на этих

были ливреи какого-нибудь знатнейшего лорда). Звонили колокола, на башнях били куранты, плескались штандарты, — казалось, оживал сам воздух над их головами. Собаки, ослы, скакуны в чепраках, священники и фургоны, у которых колеса трубили, как в судный день, лавчонки, где продавались золоченые имбирные пряники, и большие магазины с выставленными на продажу наилучшими частями доспехов, кованными по самой последней моде. Торговцы пряностями, шелком, ювелиры. Над лавками и магазинами висели торговые знаки, как над нынешними харчевнями. Тут были бражничавшие вкруг винных лавок слуги, старухи, крикливо торговавшиеся из-за яиц, бродячие птицеловы, тащившие на продажу клетки с галками, дородные олдермены с золотыми цепями, загорелые пахари, почти без одежд, не считая каких-то кожаных лохмотьев, гончие на смычках, странного вида люди с Востока, продававшие попугаев, миловидные дамы, семенившие мимо в подобиях шутовских колпаков, с верхушек которых свисали, колыхаясь, вуали, и, возможно, с пажом впереди, несшим молитвенник, если дама направлялась в церковь.

Карлион был городом-крепостью, так что всю эту сутолоку окружала зубчатая стена, казавша-

яся нескончаемой. Через каждые двести ярдов из стены выдавалась опорная башня, а с четырех сторон ее прорезали громадные ворота. Приближаясь к городу по равнине, вы могли видеть, как крепостные башни и шпили церквей прорастают над стеной — купами, словно цветы в горшке.

Артур страшно обрадовался, вновь увидев старых друзей и услышав о помолвке Пеллинора. Пеллинор самым первым из рыцарей поразил его воображение, когда он еще был мальчиком в Диком Лесу, и он решил устроить для милого друга небывалую по великолепию свадьбу. Для венчания сняли кафедральный собор Карлиона и не пожалели никаких усилий, чтобы гости провели время на славу. Торжественную свадебную мессу служила такая галактика кардиналов, епископов и нунциев, что в огромном соборе, казалось, не осталось угла, где не теснились бы лиловые и пурпурные одежды, не пахло бы благовониями и маленькие мальчики не звонили бы в серебряные колокольца. Порой мальчик подбегал к епископу и тряс перед ним колокольчиком. Порой нунций налетал на кардинала и обкуривал его сверху донизу. Все это походило на битву цветов. Тысячи свечей сияли перед роскошными алтарями. Куда ни глянь, коротковатые, исполненные святости

пальцы привычно расправляли маленькие скатерки, или сжимали книги, или поливали друг дружку Святой Водой, или уважительно указывали народу на Господа. Музыка звучала райская — и григорианская и амвросианская сразу, и собор был набит битком. Монахи, приоры и аббаты всех видов в сандалиях стояли между рыцарями в доспехах, воспламененных свечами. Присутствовал даже францисканский епископ в серой рясе и красной шляпе. Ризы и митры были почти все из золотой парчи, усыпанной бриллиантами, их столько раз снимали и возлагали опять, что весь собор полнился шелестом. Что до латинских текстов, то они произносились с такой быстротой, что стропила звенели от множественных родительного падежа, — увещания же, наставления и благословения изрекались прелатами в таких количествах, что удивительно, как это всю конгрегацию прямо на месте не забрали на небеса. Даже Папа, которому не меньше прочих хотелось, чтобы все прошло без сучка и задоринки, в доброте своей прислал множество индульгенций всякому, о ком только вспомнил.

После венчания состоялся свадебный пир. Короля Пеллинора с его Королевой — рука об руку простоявших всю предшествовавшую

церемонию — возвели со Святым Тойрделбахом и Матушкой Морлан (что стояли за ними, совершенно ошалев от свечей, благовоний и окроплений) на почетное место, а прислуживал им, опускаясь на колено, сам Король Артур. Можете себе представить, в какой восторг пришла Матушка Морлан. Подавался пирог с павлином, заливные угри, девонширские сливки, приправленная кэрри морская свинья, фруктовый салат со льдом и две тысячи разных закусок. Звучали речи, песни, здравицы, звенели стаканы. Особый гонец полным ходом примчался из Северного Хумберланда и доставил новобрачным послание. Он сказал:

— Наилучшие пожелания от Мерлина точка. Подарок под троном точка. Сердечный привет Агловалю, Персивалю, Ламораку и Дорнару.

Когда волнение, причиненное посланием, улеглось и отыскался подарок, для младших участников пиршества были незамедлительно организованы подвижные игры. В них особенно отличился маленький паж Королевского дома. Он приходился сыном союзнику Артура под Бедегрейном, Королю Бану из Бенвика, а звали его Ланселотом. Также играли в «до-стань-яблочко», в шафлборд, качались на качелях, смотрели пред-

ставление марионеток под названием «Мак и пастухи», все очень смеялись. Святой Тойрделбах опозорился, оглушив своей палицей одного из самых жирных епископов, — они поспорили по поводу буллы, именуемой «Laudabiliter». Затем, в поздний уже час, все общество разошлось, напоследок с большим чувством исполнив «Забыть ли старую любовь». Короля Пеллинора стошнило, и новоиспеченная Королева Пеллинор уложила его спать, объяснив всем, что он переутомился.

Далеко в Северном Хумберланде Мерлин выскочил из постели. На двух зорях, утренней и вечерней, они наблюдали диких гусей, и он улегся спать страшно уставшим. И во сне вдруг вспомнил — простейшую вещь! Имя Артуровой матери — вот что забыл он назвать во всей этой суматохе! Сидел, разливался об Утере Пендрагоне, о Круглом Столе, о битвах, о Гвиневере, о ножнах, о том, что было и что еще будет, — а самое-то важное и забыл.

Матерью Артура была Игрейна, та самая Игрейна, плененная в Тинтагиле, та, о которой в начале этой книги разговаривали в Круглой Башне дети Оркнея. Артур был зачат в ту ночь, когда Утер Пендрагон приступом взял ее замок. Поскольку Утер, естественно, не мог жениться на ней, пока

не закончится траур по графу, мальчик родился слишком рано. Потому-то Артура и отослали на воспитание к сэру Эктору. Ни единая живая душа не знала, куда он отослан, за исключением Мерлина и Утера, — а теперь Утер мертв. Не знала даже Игрейна.

Покачиваясь, Мерлин стоял босиком на холодном полу. Если бы только он перенесся в Карлион, пока еще не было поздно! Но старик устал и запутался в своих прозрениях, голова его была еще одурманена сном. Он решил, что это можно будет сделать и утром, — никак не мог припомнить, где он сейчас, в будущем или в прошлом. Он слепо протянул руку с набрякшими венами к постели, образ Нимуи уже рисовался в его сонном мозгу. И он нырнул в кровать. Борода ушла в одеяло, нос уткнулся в подушку. Мерлин спал.

Король Артур снова сидел в Главной Зале, уже опустевшей. Несколько ближайших рыцарей выпили с ним на сон грядущий по стаканчику, и он остался один. Артур очень устал за день, хоть и пребывал ныне в полном расцвете юношеских сил. Прислонив затылок к спинке трона, он размышлял о том, что случилось во время свадьбы. С тех самых пор, как он, вытянув меч из камня, стал Королем, ему то и дело приходилось сражаться,

и труды этих кампаний выковали из него блестящего молодого мужчину. Похоже, он наконец-то сможет пожить в мире. Он думал о радостях мирной жизни, о том, что в один прекрасный день он и сам, как напророчил Мерлин, женится и у него будет дом. Тут мысли его перешли к Нимуе, а от нее к красивым женщинам вообще. Он заснул.

Пробудился он как от толчка и увидел перед собой черноволосую синеглазую красавицу с короной на голове. Четверо диковатых северных детей стояли позади своей матери, пугливые и ершистые, а она сматывала какую-то ленту.

Королева Моргауза с Внешних Островов намеренно не явилась на пир, — удобный миг она выбирала с особенной осмотрительностью. В этот раз юный Король увидел ее впервые, и она сознавала, что выглядит наилучшим образом.

Как случаются эти вещи, объяснить невозможно. Быть может в «путах» и впрямь присутствовала колдовская сила. Быть может, причина тут в том, что она была вдвое старше его, а стало быть, и мощи в ее оружии было вдвое больше. Быть может, причина в том, что Артур всегда был простодушен и легко перенимал у людей их собственную самооценку. А может быть, дело в том, что у него никогда не было матери и это олице-

творение материнской любви — пока она стояла перед ним, а за нею теснились дети — подействовало на его чувствительное воображение.

Объясняй не объясняй, но девять месяцев спустя Царица Воздуха и Тьмы разрешилась младенцем, которого она прижила от своего сводного брата. Младенца назвали Мордредом. И вот вам то, что Мерлин, начертивший его несколько позже, назвал родословным древом:

Ничего, даже если вам придется перечитать его дважды, словно некий урок из учебника истории, ибо это древо — важнейшая часть трагедии Артура. Вот почему сэр Томас Мэлори назвал свою очень длинную книгу *«Смертью* Артура». И хоть девять десятых рассказанной им истории, по всей видимости, относится к рыцарям, бьющимся на турнирах и предающимся поискам священной чаши и тому подобным делам, повествование остается целостным, и ведется оно о причинах, по которым молодого человека постигает к исходу жизни горестный конец. Это трагедия, как ее понимал Аристотель, общезначимая трагедия греховного деяния, возвращающегося к своим же истокам. Потому-то нам и должно знать родословную Мордреда и помнить, когда наступит время, что Король спал со своей сестрой. О по-

следнем он не догадывался, и, возможно, во всем виновата только она, но, как видно, в трагедии одной невинности мало.

EXPLICIT LIBER SECUNDUS